

Институт Африки РАН

Мураховский В.И.

Война между Эфиопией и Сомали (1977–1978)

Предлагаемые читателям мемуары посвящены, в основном, почти забытой войне между Эфиопией и Сомали за провинцию Огаден в 1977–1978 гг. В них приводятся воспоминания советских офицеров-танкистов, военных переводчиков и кубинских военнослужащих о тех событиях, в том числе и ранее размещенные в общедоступной сети на электронной площадке www.otvaga.ru и публиковавшиеся в сборниках мемуаров изданных в Институте Африки РАН.

ISBN 978-5-9907792-1-1

9 785990 779211

Виктор Мураховский

**ВОЙНА МЕЖДУ
ЭФИОПИЕЙ И СОМАЛИ
(1977-1978)**

Пушкино

Центр стратегической конъюнктуры

2016

УДК 94:623
ББК 68.8:63.3
М91

М91 Мураховский В.И.

Война между Эфиопией и Сомали / Под ред. Г.В. Шубина.

М.: Центр стратегической конъюнктуры, 2016. – 88 с.: с илл.

ISBN 978-5-9907792-1-1

Предлагаемые читателям мемуары посвящены, в основном, почти забытой войне между Эфиопией и Сомали за провинцию Огаден в 1977-1978 гг.

В них приводятся воспоминания советских офицеров-танкистов, военных переводчиков и кубинских военнослужащих о тех событиях, в том числе и ранее размещённые в общедоступной сети на электронной площадке www.otvaga.ru и публиковавшиеся в сборниках мемуаров изданных в Институте Африки РАН.

Визитная карточка

Виктор Иванович Мураховский, полковник запаса, родился в 1954 году в Саратове в семье военнослужащего. Окончил физико-математическую спецшколу, Казанское высшее танковое командное училище, Военную академию бронетанковых войск, рабфак им. Н.К. Крупской факультета журналистики МГУ. Служил в танковых войсках с 1971 по 1987 г. на командных и штабных должностях. С 1988 года работал в отделе теории и практики общевойскового боя журнала «Военный вестник», был редактором по воздушно-десантным войскам журнала «Армейский сборник». Уволен в запас в 1997 г. Работал главным редактором в издательствах «Арсенал-Пресс», «Инфорком», «Развитие». Написал (лично и в соавторстве) несколько десятков книг по военной тематике и информационным технологиям, несколько сотен статей в советских, российских и зарубежных СМИ. В настоящее время - главный редактор журнала «Арсенал Отечества».

ISBN 978-5-9907792-1-1

© Мураховский В.И., 2016

© Институт Африки РАН, 2016

Под. в печать 18.01.2016. Формат 70x100/16. Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс».

Печать офсетная. Усл.-печ. л. 8,25. Уч.-изд. л. 4,01. Тираж 500 экз. Заказ 134.

Центр стратегической конъюнктуры.

centerconjunction@gmail.com

141202, МО, г. Пушкино, ул. Набережная, д. 35, корп. 6 +7(906) 075-00-22

Виктор Мураховский

Война между Эфиопией и Сомали

Под редакцией к.и.н. Шубина Геннадия Владимировича

Оригинал-макет и обложка подготовлены А.В. Воробьевым

Корректор Е.В. Феоктистова

Верстка Елена Рудакова

Типография ООО «Телер». 125299, г. Москва, ул. Космонавта Волкова, д. 12.

Лицензия на типографскую деятельность ПД № 0059

Была в мировой истории удивительная война, которой, согласно марксистско-ленинской теории, просто не могло случиться. Дело в том, что в 1977-1978 годах между собой воевали страны, официально избравшие путь «научного социализма». А союзниками и спонсорами воюющих сторон также выступили почти исключительно социалистические страны. За давностью лет и удаленностью района от России эту войну и сейчас упоминают крайне редко.

Между тем для многих людей, проживающих на территории бывшего СССР, несмотря на прошедшие годы, до сих пор привычно звучат названия Аддис-Абеба и Джиджига, Дыре-Дауа и Комбольча, Дэбре-Зейт и Харэр, номера войсковых частей 44708 и 90245, позывной узла связи «Карат». Эта публикация напомнит о том, как на самом деле разворачивались события в далекой и почти забытой войне.

*Типичный пейзаж в районе Джиджига.
Современный снимок*

ПРЕДИСЛОВИЕ

По своему географическому охвату, задействованным силам и средствам, конфликт вполне заслуживает название «тотальной социалистической войны». В нём в той или иной мере с обеих сторон поучаствовали 11 государств, считавших себя социалистическими: Сомали, Эфиопия, СССР, Куба, Южный Йемен, ГДР, ЧССР, Ливия, Вьетнам, КНДР и Китай. Кроме них причастными к конфликту стали и такие страны, как США, Израиль, Иран.

Каким же образом в далёкой Африке разгорелась эта война?

Её причины следует искать в столкновении интересов африканских «социалистических» князьков. Не секрет, что в странах Африки политики зачастую объявляли себя приверженцами коммунизма лишь затем, чтобы проложить путь к личному обогащению и получить помощь стран социалистического лагеря в борьбе с внутренними и внешними врагами. Классический пример такого отношения к марксизму преподнесли сомалийский военный диктатор Мохаммед Сиад Барре и эфиопский военный диктатор Менгисту Хайле Мариам.

Майор Менгисту был активным участником подпольной группы офицеров армии Эфиопии, которые в 1974 году устроили переворот и свергли эфиопского императора Хайле Селассие. Власть перешла в руки комитета, который назывался «Дерг», и в котором Менгисту играл видную роль. Вскоре внутри «Дерга» начались распри, и три месяца спустя Менгисту провёл «зачистку», возглавив высший военно-администра-

тивный совет. Американцам такие резкие ходы диктатора не очень нравились, и они осторожно шли на контакт с майором. Тем более, ничего ему не обещали. Тогда Менгисту объявил, что Эфиопия встаёт на путь строительства «социализма» и тут же был принят с распростёртыми объятиями в СССР и на Кубе.

Примерно аналогичным образом действовал при захвате власти и сомалийский генерал Мохаммед Сиад Баре в 1969 году. Объявив себя последователем «научного социализма», он добился от СССР масштабной помощи. Как раз в 1974 году СССР и Сомали заключили договор о дружбе и сотрудничестве. В Сомали прислали несколько тысяч советских и кубинских специалистов, много военной техники. В ответ СССР получил возможность построить для своих нужд ряд объектов в сомалийском порту Бербера, включая военный аэродром, узлы связи и радиоэлектронной разведки.

Тем временем в Эфиопии в 1976 году Менгисту развернул «красный террор», причём среди тысяч его жертв большую часть составили люди, искренне считавшие себя марксистами, но записанные властью в «троцкисты». Репрессии не обошли стороной ни представителей прежней аристократии, ни священнослужителей, ни вождей племён. Советский Союз, закрыв глаза на жестокое истребление «троцкистов», поддержал режим «научного социализма» в Эфиопии, в решающий момент отказав в помощи аналогичному режиму «научного социализма» в соседнем Сомали.

Эфиопия по многим стратегическим соображениям выглядела в глазах Москвы предпочтительней, чем Сомали: её население в 9 раз превышало сомалийское, у Эфиопии было два удобных порта на Красном море. Правда, Эфиопия вела многолетнюю войну с сепаратистами в Эритрее (причём, сепаратисты в «императорский» период получали помощь от СССР!) и периодически воевала с Сомали за пустыню Огаден (провинцию Харэрге), но эти моменты считались несущественными, «рабочими».

3 февраля 1977 года Менгисту Хайле Мариам перестрелял ещё оставшихся в живых соратников по «Дерг» и единолич-

но возглавил руководство страны. Уже на следующий день после кровавой бойни он получил поздравительную телеграмму от лидера кубинской революции Фиделя Кастро. Тогда же, в феврале 1977 года, в Эфиопии впервые появились кубинские генералы во главе с Арнольдо Очоа, которые прибыли из Анголы¹ для изучения обстановки и определения мер по повышению боеспособности эфиопской армии, которая никак не могла справиться с партизанами в Эритрее.

14 марта 1977 года в Эфиопию прилетел Фидель Кастро. В тесном общении с Менгисту и его соратниками он обсудил разногласия между Эфиопией, Эритреей, Джибути и Сомали. Именно после этой встречи Эфиопия получает полную поддержку Кубы, а с подачи Кубы – и Советского Союза. Было решено создать «социалистическую» федерацию, объединявшую Сомали, Эфиопию, Джибути и Южный Йемен.

Однако Мохаммед Сиад Барре не захотел участвовать в этом мероприятии. Сомалийский диктатор был тёртым калачом, отлично понимавшим, что у власти в «федерации» останется только один. Поэтому вместо вхождения в «федерацию» он задумал отнять у слабой пока Эфиопии район Огаден, где проживали племена сомалийского происхождения, и тем самым частично реализовать давно вынашиваемую идею создания «Великой Сомали». Генерал Мохаммед Сиад Баре планировал за два-три месяца разгромить эфиопскую армию, считая, что за такой короткий срок никто Эфиопии помочь не в состоянии. Это была не первая схватка двух стран по поводу спорной территории. Предыдущее вооружённое столкновение между ними произошло в 1964 г.

Тогда экипированная американцами эфиопская армия взяла верх над сомалийской. Ведь Эфиопия получила от Соединенных Штатов с 1953 по 1974 г. экономическую помощь в размере всего 35 миллионов долларов, а вот военную помощь – в размере 2 миллиарда 786 миллионов долларов.

¹ Генерал Очоа до Эфиопии не служил в Анголе.

Поставки оружия в Эфиопию из СССР, ЧССР и ГДР начались в мае-июне 1977 года. Советские специалисты и советники направляются в Эфиопию на основании распоряжения Совета Министров СССР №1823 от 13 августа 1977 г. Однако ещё ранее приказами министра обороны и главкомов видов ВС в Эфиопию командуются советские военные специалисты. Вспоминает полковник советских ВВС Владимир Кириллович Бабич: *«...прибыли мы на Дэбре-Зейт в начале июля [1977 года]. Вылезаем из Ан-12. Жара такая, что с ног валит. Обжигающий ветер гонит песок. Первое ощущение, когда вышли из самолёта, было таким, будто в лицо «раскочегаренной» паяльной лампой дуют. Ну и первая мысль: куда же нас на этот раз занесло?..*

Во всех аэродромных помещениях имелись кондиционеры, поддерживался оптимальный температурный режим. На стоянках и летном поле находились автоматизированные зоны заправки топливом и чуть ли не всеми видами других жидкостей... Словом, блеск и красота! Правда, нашим «технарям» многое из этого богатства пришлось переделывать позже под наши стандарты...

Знакомство с местной авиатехникой поначалу оказалось разочаровывающим: в лётном состоянии имелась лишь горстка камуфлированных и сверкавших серебром F-5 разных модификаций, два или три бомбардировщика «Канберра» и, что нас невероятно удивило, несколько «Сейбров».

Главным военным советником назначается заместитель командующего ВДВ генерал-лейтенант П. Чаплыгин. Факт назначения генерала ВДВ главным военным советником нашёл своё отражение в номенклатуре поставок вооружения в Эфиопию. В частности, Эфиопия стала одной из немногих стран, куда поставлялись авиадесантные самоходные установки АСУ-57 и боевые машины десанта БМД-1.

КАК НАЧИНАЛАСЬ ВОЙНА

Война 1977-1978 годов в Огадене – одно из тех событий, реальные факты которых скрыты под пластами дезинформации и лжи. С советской стороны эту тему просто закрыли и спрятали документы в секретных папках архивов.

В западных странах практически официальной стала версия о якобы «национально-освободительной войне» народов Огадена. Сейчас в западных энциклопедиях и справочниках началом войны считается вторжение вооружённых отрядов Фронта освобождения западного Сомали (ФОЗС, английская аббревиатура WSLF) с территории Сомали в Огаден.

Это не совсем так. Вернее, совсем не так. С тем же успехом можно говорить, что каждый год с территории Пакистана происходит «вторжение» пуштунских племён в Афганистан, а равно и обратное действие – пуштуны ежегодно «вторгаются» из Афганистана в Пакистан.

В действительности «войну открыли» западные СМИ в июне 1977 года, после того как Эфиопия 23 апреля закрыла консульства Соединенных Штатов и других западных государств в Асмаре. Из страны была выслана американская военная миссия, прекратила функционирование их военная база. Военным атташе США, Великобритании, ФРГ и Египта было предложено покинуть Эфиопию. С другой стороны, в Эфиопии увеличивалось число советских и кубинских специалистов, в том числе военных.

Геополитическая борьба между СССР и США не позволяла американцам оставить этот факт без внимания. Поэтому запад-

ная пресса, радио, телевидение вдруг дружно начали писать, говорить и показывать массу новостей на одну тему – о WSLF. На весь мир вещалось, какая это могучая организация, какая свободолюбивая, какие у неё благородные задачи, и как она успешно воюет с коммунистическим диктатором Менгисту, стремясь к объединению многострадального сомалийского народа. То есть подготовка войны началась по накатанному сценарию, с обработки общественного мнения.

Однако был у этой пропагандисткой акции и главный адресат – Мохаммед Сиад Барре. И адресат смысл послания вполне понял. На всякий случай, для полной ясности, президент Соединенных Штатов Америки Джимми Картер 15 июля 1977 года в своей плановой рутинной речи после привычных пассажей о правах человека вдруг заявил, что США готовы оказать военную и политическую поддержку Сомали. Получив политический карт-бланш от США, Мохаммед Сиад Барре отдал нужный приказ, и уже 23 июля 1977 года в 6 часов местного времени регулярная армия Сомали вторглась в Эфиопию. Началась война за Огаден.

ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ СОМАЛИ

В 1977 году армия Сомали (SNA – Somalia National Armies) насчитывала около 35 тыс. человек, имела до 250 танков Т-34 и Т-54/55, свыше 300 БТР, более 100 76-мм орудий ЗиС-3, до 80 противотанковых пушек Д-48, 80 гаубиц М-30 и Д-30 калибра 122 мм, около 60 пушек М-46 калибра 130 мм, больше сотни 120 мм миномётов, примерно 150 зенитных орудий калибра до 100 мм. ВВС состояли из 66 самолётов: 10 бомбардировщиков Ил-28, 12 истребителей МиГ-21, 44 истребителя МиГ-17 и МиГ-15. Офицерский корпус в основном был обучен в СССР, в том числе окончили вузы Сухопутных войск – 1169 человек, ПВО – 510 человек, ВВС – 590 человек, ВМС – 450 человек, тыла – 80 человек, и другие вузы – 267 человек.

С 1964 по 1977 г. в Сомали по линии Министерства обороны СССР побывало 3911 человек, в том числе 12 генералов, 2419 офицеров, 123 прапорщика, 405 сержантов и солдат и 952 рабочих и служащих СА и ВМФ. До начала боевых действий самым крупным формированием в армии Сомали был батальон (пехотный, механизированный или танковый). С началом войны были сформированы 27 пехотных и механизированных бригад, каждая из которых включала 2-4 батальона, артиллерийскую батарею или дивизион, противотанковую батарею, подразделения обеспечения и обслуживания, общей численностью 1200-2000 человек.

Силы вторжения насчитывали до 23 тыс. человек. В них имелось около 250 танков (Т-34 и Т-54/55), до 250 БТР (БТР-50ПК, БТР-152, БТР-60ПБ), до 250 орудий и миномётов. Поддержку с воздуха осуществляли около 40 самолётов МиГ-17 и МиГ-21. Помимо регулярных войск Сомали в Огадене действовало до 15 тыс. человек в нерегулярных вооружённых формированиях ФОЗС.

ВООРУЖЁННЫЕ СИЛЫ ЭФИОПИИ

Армия Эфиопии в целом насчитывала около 47 тыс. военнослужащих, ядро сухопутных войск представляли 2-я и 3-я пехотные дивизии. Большинство боеготовых частей находилось в Эритрее, где шли бои с сепаратистами. Войска в провинции Харэрге (позже объединённые в Восточный фронт) состояли из небольших сил 3-й пехотной дивизии и отдельных частей общей численностью немногим более 10 тыс. человек, поддерживаемых 45 танками (американские М41 и М47), 48 орудиями полевой артиллерии и всего 10 орудиями зенитной артиллерии. В ходе боёв в сражение дополнительно вводились две роты танков М41 и рота М47, механизированный батальон (на американских БТР М113), дивизион самоходной и прицепной артиллерии (батарея М109А2, батарея М114, батарея М101).

К середине 1977 года в ВВС Эфиопии числилось 35 исправных боевых самолетов, среди которых были 16 истребителей F-5A/B/E, 3 бомбардировщика «Канберра», несколько истребителей F-86 «Сейбр» и учебно-боевых Т-28. Транспортная авиация была представлена несколькими самолётами С-47, С-54 и С-119К. Эфиопская авиация, впрочем, как и другие виды вооруженных сил, испытывала острую нехватку запасных частей и боеприпасов.

Кубинские войска, численность которых в Эфиопии к лету 1977 года составляла около 1200 человек, до сентября в боях практически не участвовали. Офицерский и сержантский состав армии Эфиопии сильно пострадал в период репрессий 1974-1977 годов. Многие из профессиональных военных бежали в Европу как раз через Сомали, попутно доложив сомалийской разведке о крайне плачевном состоянии вооружённых сил некогда грозного соседа.

В 1977 году вооружённые силы Эфиопии возглавляли: министр обороны бригадный генерал Тайе Телахун, начальник Генерального штаба полковник Хайле Георгие Мариам, командующий сухопутными войсками полковник Кэфелень Ибза, командующий ВВС полковник Фанта Беляйте, командующий ВМС капитан 1 ранга Тесфайе Берхану.

ТЕАТР ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

Эфиопия – старейшее независимое государство Африки. Её название происходит от греческого слова «Айтьопия», означающего «страна людей с обожжёнными лицами». Эта легендарная земля прежде называлась Абиссинией.

Юго-восточная часть Эфиопии представляет собой участок Эфиопского нагорья, где расположены административные районы Сидамо, Арси, Бале и Харэрге. Восточный край Великой рифтовой долины является чёткой границей этой территории. Здесь встречаются как глубокие каньоны, так и горные хребты, окаймляющие Великую рифтовую долину.

Юго-восточная часть Эфиопского нагорья имеет общий уклон к юго-востоку, переходя в пустыню Огаден. Речной сток здесь направлен в Индийский океан. Наряду с постоянными водотоками, существуют также многочисленные короткие реки и ручьи, наполняющиеся водой лишь в сезон дождей, когда происходит размыв рыхлых отложений. Поскольку в такие периоды извилистые русла постоянных рек получают дополнительное питание, обширные территории бывают затоплены.

В юго-восточной части Эфиопского нагорья, находящейся в зоне влияния муссонов, в годовом ходе осадков чётко различают два влажных периода, разделенных сухим летним сезоном. Среднее годовое количество осадков здесь составляет 500–750 мм. В пустыне Огаден количество осадков сокращается до 250 мм в год.

На внутренних равнинах климат жаркий (средняя дневная температура 27–35°C), с малым количеством осадков. Здесь

распространена разреженная травянистая растительность, а в Огадене – акациевые саванны. На плоскогорье грунты красноземные, каменистые, подвержены эрозии с образованием пылевых бурь. При движении техники вне дорог облака пыли в безветренный период поднимаются на высоту несколько сотен метров.

Район основных боевых действий разделён на горы Ахмара, представляющие собой чередование глубоких долин и горных кряжей, что делает движение вне дорог чрезвычайно затруднительным, и плоскогорье, начинающееся от Джиджига и простирающееся в направлении Харгейса к побережью с постепенным понижением до уровня моря. Дорога Дыре-Дауа, Харэр, Джиджига, Харгейса, вдоль которой происходили ключевые бои, большей частью проходит через перевалы и долины. На плоскогорье (средняя высота 1200-1500 м) местность способствует наступающему, предлагая пространство для манёвра и обеспечивая прекрасную видимость. В целом, плоскогорье благоприятствует применению колёсной и гусеничной техники в сухой период. В период дождей движение колёсной техники вне дорог практически исключено, а гусеничной – существенно затруднено.

Население Эфиопии составляло свыше 60 млн человек, при этом делилось более чем на 80 этнических групп. Большая часть из них относилась к эфиопской расе, являющейся промежуточной между европеоидной и негроидной. Основные народности на рассматриваемом ТВД – хамитоязычные оромо и сомали. Оромо занимали склоны гор Ахмарского хребта и само нагорье, сомали – часть нагорья и пустынные районы. Оба народа частично ведут кочевое хозяйство, не признавая официальных государственных границ.

ПОРАЖЕНИЕ ЭФИОПСКОЙ АРМИИ

Сомалийская армия вела наступление двумя группировками: Северной и Южной. Южная группировка наносила вспомогательный удар в районах Доло, Годе, Ими. Главный удар в направлениях Айша, Джиджига, Харэр, Дыре-Дауа наносила Северная группировка.

Сомалийские войска, преимущественно, выдавливали эфиопские части с занимаемых позиций, обходя опорные пункты и перехватывая маршруты снабжения. Сомалийские командиры не горели желанием штурмовать подготовленную оборону, больше полагаясь на огонь танков и артиллерии, манёвренные возможности механизированных частей. Такая тактика приносит успех. Попытки контратаковать сомалийские части в открытом поле привели к тяжёлым потерям в самых боеспособных танковых и механизированных подразделениях эфиопской армии.

Утром 26 июля 1977 года состоялся первый воздушный бой. Пара эфиопских F-5 в районе Харэр атаковала звено из четырёх сомалийских МиГ-21МФ. Два МиГа были сбиты эфиопскими истребителями, а ещё два столкнулись в воздухе при попытке уклониться от выпущенной по ним ракеты AIM-9B «Сайдвиндер».

В августе-сентябре эфиопские ВВС потеряли два F-5A и два бомбардировщика «Canberra», сбитые зенитным огнём сомалийцев, а также транспортный C-47 на земле во время налета на аэродром Джиджига.

Сомалийская авиация лишилась свыше 20 машин. Из них только десять относились к боевым потерям. Два МиГ-21МФ

были сбиты в воздушном бою с F-5 в районе Кебри Дехар. Ещё два МиГ-21МФ сомалийцы потеряли от огня ЗРК С-125 при налете на эфиопскую авиабазу Айша. Гораздо больше боевых самолетов было утрачено по техническим причинам. К концу сентября на основной сомалийской авиабазе Харгейса находилось всего около десятка боеготовых МиГ-17 и МиГ-21.

Эфиопия срочно призывает в вооружённые силы около 100 тыс. человек, формирует несколько новых бригад, дивизий и две «революционные» армии. В комплектовании армии, поимке дезертиров, повышении морального духа большую роль сыграли «кебеле» – органы местного самоуправления, возникшие в период 1974-1976 годов во всех городах и посёлках Эфиопии. Заметную роль в этих кебеле играли женщины. В результате много женщин появилось в бригадах и дивизиях «революционного» формирования. Они нередко цементировали боевые порядки своим присутствием, но в критических ситуациях мало чем могли помочь, поскольку не имели никакой военной подготовки.

В подавляющем большинстве рядовой состав и младшие командиры «революционной» армии Эфиопии обладали самыми примитивными военными знаниями. Мало того, в рядовой массе армии нередко отсутствовало всякое желание воевать. Прибывавшие на фронт «революционные» части иногда разбегались при первом же столкновении с противником. Как заметил находившийся в Аддис-Абебе военный атташе посольства ГДР: «советские военные руководят боевыми действиями, кубинцы воюют, а эфиопы празднуют победы».

При этом высокие личные боевые качества эфиопского солдата не подлежат сомнению: он храбр, вынослив, упорен в бою, стойко переносит тяготы и лишения войны. Низкая боеспособность подразделений и частей эфиопской армии в первой половине войны объяснялась исключительно организационными промахами, отсутствием нормального сержантского корпуса, слабыми офицерами, плохим боевым слаживанием подразделений и частей.

Советский советник²:

«Эфиопская армия производила гнетущее впечатление. Офицеры не были приучены к ведению боевых действий, и роль их была непонятной. Для них на передний край залезть: «Не-ет, что ты...» Командир дивизии вообще дней десять не появлялся на фронте. Ни одной карты боевых действий не было. Мы выехали ночью на передний край. Окопов – никаких. Палаточка стоит, костерок дымится, какое-то варево булькает. А что? Они, когда видели сомалийские танки, просто бежали. А когда артиллерия отбивала атаку, возвращались. 12 тысяч человек держали фронт в полтора километра!

Боевой подготовкой эфиопы себя не утруждали: а, говорят, война начнётся, тогда будем заниматься. Они бы ещё сто лет воевали, если б не мы... После стрельб оружие надо почистить, технику осмотреть. Не-ет. С утра до вечера – музыка, танцы. Двое суток командиру дивизии объясняли, что такое боевая готовность... Наш мотострелковый батальон сомалийцев разметал бы за неделю... А у них война, как по распорядку шла. Скажем, в пять часов вечера начинается артиллерийская стрельба, потом одна из сторон, если захочет, «наступает». А уже в 6 вечера всякая война прекращалась».

Пойдя навстречу требованиям советских и кубинских советников, руководство Эфиопии решает серьезно готовить войска. В огромном военном лагере Татек вблизи столицы Аддис-Абеба формируются пять дивизий, на вооружение которых поступает советская техника. Начинается обучение подразделений согласно советским требованиям. Однако на реорганизацию армии требуется время, а обстановка в столице и на фронте ухудшается.

² «Советский советник» – полковник в отставке Виктор Кулик. В 1977 году – майор, начальник штаба мотострелкового полка. С декабря 1977 года по декабрь 1979 – советник начальника штаба бригады эфиопской армии.

Советский врач, работавший в этот период в Адисс-Абеба, вспоминает:

«Когда началась агрессия Сомали в Огадене, положение резко ухудшилось. Начались убийства, сначала по одному в неделю, потом по два. В сентябре 1977 года было совершено покушение на Менгисту Хайле Мариама. В один из дней было убито 8 сторонников революционной власти. Создалось такое положение, когда город стал задыхаться от террора. Армия была на фронте и отражала внешнюю агрессию. Революция вынуждена была перейти от обороны к наступлению, в ответ на белый террор последовал красный...»

Сомалийцы силами нескольких механизированных бригад осадили важный административный и военный центр – город Джиджига, и после нескольких дней боёв захватили его 13 сентября. Дальнейшее наступление развивается вдоль дорог к перевалам через горные хребты. В середине сентября внезапным ударом в северном направлении сомалийцы захватывают город Айша и тем самым перерезают единственную железную дорогу, по которой грузы поступали из порта Джибути.

29 сентября под контроль сомалийских частей перешёл ключевой перевал Марда на дороге Джиджига – Харэр. В октябре оказался в осаде сам Харэр – столица провинции Харэрге. Севернее Харэр сомалийские танки прорвались к окраинам Дыре-Дауа (крупная военная и тыловая база). Несколько дней продолжаются ожесточенные бои, сомалийские войска выходят к аэродрому, обе стороны несут тяжёлые потери. В отражении атак участвуют ЗСУ «Шилка» и даже ЗРК С-125, которые были по наземному противнику зенитными ракетами с заглубленными радиовзрывателями. В этом бою впервые участвовали кубинские военнослужащие, решительной контратакой отбросившие противника к горному хребту. Начавшийся сезон дождей резко снизил наступательные возможности сомалийцев, и ситуация временно стабилизировалась.

122-мм реактивная система «Град» ведёт огонь

Танк М41 американского производства

Разбитая техника на месте боев. Современный снимок

Участник этих событий Николай Федорович Олещенко вспоминает:

«Знаете, бывало очень обидно прыгать, как зайчик, под разрывами снарядов сомалийской артиллерии, и знать при этом: по нам стреляют из советских пушек, снарядами, сделанными на советских заводах советскими рабочими, люди, которых мы научили стрелять».

В начале сентября 1977 г. сомалийский диктатор Сиад Барре решил на экстраординарный визит в Москву. Он попытался добиться хотя бы нейтрального отношения СССР к своей акции в Огадене. Но главное – он нуждался в советских военных поставках. Переговоры на эту тему с Председателем Совета Министров СССР А.Н. Косыгиным, министром иностранных дел А.А. Громыко и партийным идеологом М.А. Сусловым ни к чему не привели. Барре вернулся в Сомали с пустыми руками, не добившись никаких обязательств от СССР.

К началу октября 1977 года войска Сомали контролировали до 90% территории Огадена (около 320 тыс. кв. км). С 17 по 24 ноября 1977 года сомалийцы предприняли штурм Харэр, с трудом отбитый эфиопскими частями с помощью советников из СССР и Кубы. Эфиопы воевали неустойчиво, многие части представляли собой рыхлый конгломерат из опустившихся сол-

дат и безвольных офицеров. В большом числе появились членовредители, прострелившие себе руку или ногу. Немногочисленные подразделения «старой» императорской армии имели хорошую подготовку, но понесли серьёзные потери в предыдущих боях.

Поэтому несколько установок БМ-21 «Град» и пара артиллерийских батарей под управлением советских и кубинских специалистов, по сути, были в то время единственными реальными противниками сомалийской армии. Кроме того, большое влияние на ход войны оказало превосходство в воздухе эфиопской авиации.

Советский военный переводчик вспоминает:

«Мы пытались выяснить, где проходит линия фронта, но никто не знал – ни местные генштабисты, ни кубинские коллеги. Вообще, о силах противника никому не было известно, и мы не сразу поняли, что кубинцы на встречах с нами чаще вдохновенно фантазируют, чем делятся информацией. Вскоре стало ясно, что они сами надеются на наших советников, которые смотрели на вещи гораздо педантичнее и серьёзнее романтических кубинцев. Поэтому нам с капитаном Славой [советский офицер радиоразведки] сказали срочно лететь в Харэр и развернуть там роту пеленгации и радиоперехвата, чтобы, наконец, узнать, где противник и какие у него планы. Через пару дней советский артиллерист пригнал установки залпового огня БМ-21 «Град».

Теперь работа у нас пошла так – мы со Славой выдавали пеленги (он со своей горы, я – со своей), я на английском языке обеспечивал контакт с Менгисту [эфиопский офицер], переводчик и Менгисту привязывали к пеленгам радиообмен, а потом вместе с артиллеристом они решали, чем стрелять по обнаруженной цели. И вот в ослепительное небо взмывали красные точки, вроде огоньков сигареты – это с громовым шипением и свистом улетали за горы ракеты «Града». Самих ракет видно не было – только огоньки, почти без дыма. Или откуда-то гремели невидимые пушки».

Советский советник:

«Мы сразу растянули фронт на 16 километров. Заставили рыть окопы. Но со скрипом пошло. Вечером приказываешь вырыть окоп, утром приходишь – ничего подобного. Выкопает малюсенькую ямку и сидит. А их начальству хоть бы что».

В условиях дождливого периода и господства эфиопской авиации сомалийцам сильно осложняло жизнь увеличившееся «плечо» подвоза имущества и боеприпасов: около 200 км с перевалочного пункта Борама и до 300 км с основной тыловой базы северной группировки Харгейса. Причём практически все перевозки осуществлялись автотранспортом. Военно-транспортная авиация Сомали в количестве нескольких лёгких самолётов никакой заметной роли в снабжении не играла.

Большие проблемы возникли у сомалийцев с эвакуацией и ремонтом БВТ, особенно танков и тяжёлых орудий полевой артиллерии. Войсковые ремонтные средства худо-бедно справлялись только с несложным текущим ремонтом. Для восстановления двигателей и вооружения танки приходилось эвакуировать за несколько сотен километров в Могадишо. А тяжёлых транспортеров в сомалийской армии было всего несколько штук.

Небольшие накопленные запасы боеприпасов не позволяли сомалийцам организовать мощную артиллерийскую подготовку, поэтому обстрел эфиопских укреплений обычно сводился к десятку снарядов и мин. Большим счастьем для эфиопской армии стала непреднамеренная задержка СССР с поставками БМ-21 и боеприпасов к ним в сомалийскую армию (пришло только четыре машины). В итоге эта партия вооружений попала в Эфиопию и принесла большую пользу в разгроме сомалийского противника.

В боях первого этапа войны хорошо проявили себя советские танки Т-54/55, которые превосходили американские М41 и М47 эфиопской армии по всем параметрам: огневой мощи, защищенности, мобильности и надёжности. Например, сомалийские танкисты уничтожили не менее 9 М41 и 14 М47 при

взятии Джиджиги, а общие потери эфиопов в танках к октябрю 1977 года составили около 50 единиц.

Применение эфиопской стороной танков в основном следует африканской традиции: танки ведут огонь с места с укрытых позиций и отходят в глубину, попав под огонь противотанковых средств. В наступлении или контратаке танки двигаются позади пехоты, поддерживая её огнём с коротких остановок и с места. Взаимодействие танков с артиллерией и пехотой ограничено простейшими задачами на уровне мелких подразделений. Согласованные действия танков, пехоты и артиллерии на батальонном и тем более бригадном уровне, представляют собой неразрешимую проблему.

Несколько сомалийских танковых и механизированных батальонов, которые успели пройти полный курс боевого слаживания под руководством советских советников, выглядят на этом фоне очень выгодно. Именно эти батальоны сокрушили эфиопскую армию в нескольких сражениях, продемонстрировав умение наступать вслед за разрывами артиллерийских снарядов, атаковать во фланг и тыл, отражать контратаки огнём с места, обходить узлы сопротивления, нарушать пути снабжения и линии связи, громить тылы и штабы. Однако потери, понесённые в этих боях, а также удаленность от тыловых и ремонтных баз, резко снизили боевые возможности лучших подразделений сомалийской армии.

В ноябре-декабре обе стороны не проявляют привычной для советских офицеров боевой активности. Зачастую передний край сторон находится вне видимости друг друга, а иногда и вне досягаемости тяжёлого вооружения пехоты. В таких условиях артиллерийский огонь также становится неэффективным, поскольку ведётся по площадям, с малым расходом боеприпасов.

К исходу 1977 года линия фронта имеет крайне опасное для эфиопов начертание, охватывая полукольцом город Харэр, проходя вблизи Дыре-Дауа и перехватывая железную дорогу. Сомалийской стороне принадлежит инициатива, сомалийское командование может выбрать несколько вариантов дальней-

шего наступления, и все они грозят разгромом крупных группировок эфиопских войск.

Описывая ситуацию своему коллеге из ГДР на встрече в Аддис-Абеба 6 декабря 1977 г., советский посол в Эфиопии А.П. Ратанов говорил, что в военном отношении Восточный фронт – самая трудная проблема для эфиопской стороны. Из-за превосходства сил инициатива у сомалийской стороны, а эфиопские войска вынуждены обороняться. Эфиопская сторона проводит всесторонние усилия, чтобы мобилизовать приблизительно 60-70 тыс. человек, из них в течение следующих нескольких недель около 20 тыс. уже будут в зоне боёв, после короткого обучения на учебных курсах.

Эфиопская армия будет в состоянии перейти в наступление приблизительно через полтора-два месяца. Но у правительственных войск значительные проблемы с подготовленными кадрами для обслуживания прибывшей из СССР техники. Превосходство сомалийских войск особенно заметно в использовании тяжёлой артиллерии. При этом эфиопская сторона имеет после поставок из СССР более чем 510 тяжёлых орудий, но у неё нет военнослужащих, способных её использовать, и хотя у Сомали только 126 тяжёлых орудий, с обученным персоналом она использует их активно. Однако, как подчеркнул посол, ситуация должна измениться, так как скоро придут 300 кубинских военных экспертов (артиллеристы, танкисты, пилоты), кроме того усиленно обучаются и эфиопы.

С танками те же проблемы. У сомалийской стороны на Восточном фронте есть приблизительно 140 танков, а у Эфиопии там 137, но 40 эфиопских танков не могут использоваться из-за незначительных неисправностей. Обычно ремонт подобных неисправностей осуществляется механиками-водителями, но эфиопская сторона не способна выполнить его своими силами. На сомалийской стороне такой ремонт возможен, потому что Советский Союз поставил ей необходимое оборудование и обучил специалистов.

МАССИРОВАННАЯ ПОМОЩЬ ЭФИОПИИ

13 ноября 1977 года сомалийский диктатор Сиад Барре объявил о денонсации договора с СССР. Все советские граждане должны были покинуть страну в течение недели. В домах советских советников отключили электричество и воду, а сам посёлок был оцеплен солдатами. Но в сомалийский порт Бербера вошли боевые корабли Тихоокеанского флота. На берег высадились морские пехотинцы, и под их прикрытием были эвакуированы наши люди. В порт столицы Сомали Могадишо 20 ноября вошёл большой десантный корабль Тихоокеанского флота «50 лет шефства ВЛКСМ». Часть советских военных советников вернулась в СССР, а некоторые сразу оказались по другую сторону линии фронта – в Эфиопии.

В ноябре в Эфиопию направляется советская оперативная группа. Группу возглавляет первый заместитель Главнокомандующего Сухопутными войсками генерал армии Василий Иванович Петров³. В её состав входили генерал-майор П. Голицын, генерал-лейтенант авиации Г. Дольников, другие генералы и офицеры. О состоянии сомалийской армии обстоятельно доложили бывшие военные советники в Могадишо генерал-майоры Барисов, Крюков, подполковники Филатов и Нежинский.

Кубинский офицер:

«Русские советники для эфиопов всё равно, как марсиане. Во-первых, они «фаранджи» (белые), во-вторых, живут

³ Позднее – маршал, Герой Советского Союза.

почти при коммунизме. Другое дело мы, кубинцы: среди нас много мулатов, есть негры. Кроме того, совсем недавно мы жили в такой же грязи и безнадёжности, совсем как эфиопы. Поэтому друг друга легко понимаем.

Когда советское руководство, наконец, приняло решение о массовой помощи Эфиопии, в дело включилась советская военная машина. Возможности СССР по участию в конфликтах в отдалённых регионах за 1960-1970-е годы выросли многократно. Этому способствовало наращивание численности военно-транспортной авиации, морского флота в целом и Военно-Морского Флота в частности, усиление экспедиционных сил в виде соединений ВДВ и морской пехоты.

Только в последние три месяца 1977 года через Суэцкий канал прошло около 50 советских судов, направлявшихся в порт Асэб. В Средиземном море, а также в Красном море вплоть до порта назначения их сопровождали корабли советского ВМФ. Советские суда доставили многочисленные военные грузы, в том числе истребители, танки, буксируемые и самоходные артиллерийские орудия, реактивные системы залпового огня, зенитно-ракетные комплексы и боеприпасы, всего приблизительно 60 тыс. тонн.

Олег Харитонов, служивший на советском сторожевом корабле «Ворон», сопровождавшем суда с военной техникой, вспоминал:

«...в порту их разгружали, предварительно закрыв обзор с моря брезентом, но было видно (техника и люди). Выгрузка велась ночью, так как там же были иностранные корабли».

В связи с угрозой падения Харэр и разгрома эфиопской армии с 25 ноября начинает работу «воздушный мост» СССР – Эфиопия. Свыше 200 самолётов военно-транспортной авиации непрерывным потоком доставляют самолёты, вертолёты, артиллерию, бронетехнику, боеприпасы. Только за первые сутки операции советской транспортной авиацией было доставлено

Эфиопские Т-55

вооружение и снаряжение для оснащения трёх мотопехотных дивизий.

За три недели действия «воздушного моста» в числе прочего было поставлено 48 истребителей МиГ-21бис и самолётов-разведчиков МиГ-21Р, 10 транспортных вертолётов Ми-6, 6 боевых вертолётов Ми-24 и, предположительно, 18 транспортно-боевых вертолётов Ми-8.

В общей сложности сухопутные войска Эфиопии в сравнительно короткие сроки получили до 600 танков (в основном Т-55, а также Т-62), свыше 300 единиц лёгкой бронетехники (БТР-60, АСУ-57, БМД-1, БМП-1 и БРДМ-2), до 400 орудий полевой артиллерии и РСЗО. Общая стоимость поставленного вооружения и военной техники оценивалась в сумму около 1 млрд долларов США.

Советский специалист⁴:

«В середине ноября 1977 года в нашу часть поступила команда срочно подготовить к отправке полный комплект танкового батальона Т-62. С бронетанковых складов армии и округа выдали все необходимые запчасти, комплекты ЗИП. Тут же стали формировать группу для сопровождения техники. Я в числе офицеров и прапорщиков, собранных со всей дивизии, попал в «группу сопровождения».

За пару ночей танки доставили трейлерами (тягачами) в порт, там мы погрузились на корабль и вышли в море. Танки закрепили в трюмах, автомобили – на палубах под брезентом. Один трюм был забит ящиками с боеприпасами для «стрелковки» и артиллерии. После Гибралтара судно непрерывно сопровождали корабли советского ВМФ. Разгрузились в порту Асэб, здесь выяснилось, что технику должны передать кубинцам в районе Дыре-Дауа, а затем мы остаёмся при кубинских частях «техническими специалистами» до особого распоряжения. Танки перегнали на

⁴ «Советский специалист» – полковник запаса Виктор Мураховский. В 1977 году – лейтенант, командир взвода. С января по март 1978 – специалист при кубинской бригаде в Эфиопии.

трейлерах в городишко Хурсо вблизи Дыре-Дауа, где на окраине был развернут лагерь.

В декабре на самолётах из Анголы прибыло около 500 кубинских военнослужащих, в том числе личный состав танкового батальона, который под нашим руководством приступил к освоению Т-62. Кубинцы оказались грамотными ребятами, и уже к исходу 1977 года кубинский батальон на Т-62 был готов к боевому применению. В начале января большая часть нашей группы убыла в СССР, в кубинской бригаде оставили 11 советских танкистов и придали нам двух переводчиков.

Замечу, что при отправке из СССР зарубежных паспортов нам не оформляли, таможенный досмотр и пограничный контроль ни люди, ни техника не проходили. В Эфиопии также не было никаких пограничных и таможенных формальностей. По возвращении мы сдали командировочные предписания и взамен, помимо обычных командировочных в рублях, получили чековые валютные книжки, которые могли «отovarить» в специальных магазинах».

Вооружение и снаряжение для эфиопской армии также поставляли ГДР (грузовики, полевые электростанции, радиостанции, медицинское оборудование, запчасти для самолётов и танков), Чехословакия (танки, стрелковое оружие, медицинское оборудование, артиллерийские боеприпасы), Южный Йемен (танки, реактивные системы залпового огня БМ-21 «Град» с расчётами), КНДР (обмундирование, снаряжение). Помощь и поддержку специалистами и финансами Эфиопия получала также от Ливии, Израиля, Организации освобождения Палестины и других структур.

В декабре на аэродром Дыре-Дауа перебазируются эскадрилья МиГ-17Ф, эскадрилья МиГ-21бис, два разведчика МиГ-21Р, отряд Ми-8 кубинских военно-воздушных сил. Аэродромно-техническое обеспечение осуществляют советские и кубинские специалисты.

Позже на советских десантных кораблях, сухогрузах, пассажирских судах и самолётами из Анголы и Кубы перебрасывают

ся три кубинские бригады полного состава. Из Йемена прибывает одна механизированная бригада (около 2 тыс. человек). На БДК и сухогрузах из СССР продолжает поступать бронетехника и боеприпасы.

Советские советники и специалисты:

Официально численность советских военных советников в Эфиопии не превышала 1,5 тыс. человек. Однако здесь есть одна заковыка: в это число вошли только те военнослужащие, которые направлялись в Эфиопию по линии Главного управления международного военного сотрудничества Министерства обороны, с исключением из списков части и оформлением загранпаспортов. Вместе с тем, большое число советских военнослужащих направлялось в Эфиопию «в командировку» приказами Министра обороны и главнокомандующих видами Вооружённых сил (Сухопутных войск, ВВС, ПВО, ВМФ) – индивидуально и группами, без исключения из списков частей, а иногда – прямо в составе подразделений и частей.

Например, так появились в Эфиопии подразделения морской пехоты Тихоокеанского флота в ПМТО на острове Нокра (архипелаг Дахлак), танкисты и артиллеристы в Харэр и Хурсо, авиационные техники и специалисты ПВО в Дыре-Дауа и Дебре-Зейт. По оценкам американской разведки, в Эфиопии насчитывалось до 4 тыс. советских военнослужащих, что в несколько раз превышает советскую официальную цифру.

Все военнослужащие, остававшиеся в штате своих частей, в списки «воинов-интернационалистов» не входили и никаких льгот не имели, хотя некоторые из них получали ранения, заболевания, были среди них и погибшие. В некоторых полках Советской Армии по несколько офицеров и прапорщиков числились в «командировке», занимая штатные должности. Особенно это касалось авиационных техников, зенитчиков, радиоразведки. Поэтому у иностранных экспертов и вызывает удивление наша официальная цифра в полторы тысячи советских советников в Эфиопии.

ПОДГОТОВКА КОНТРНАСТУПЛЕНИЯ

Начинается подготовка контрнаступления. Общее руководство осуществляет генерал армии В.И. Петров. Командование ударной группировкой возглавляет кубинский дивизионный генерал Арнольдо Очоа. В штаб группировки вошло около двух десятков эфиопских, кубинских, советских и йеменских генералов.

Одной из главных проблем эфиопской армии была слабая оперативная и тактическая подготовка, низкая штабная культура, отвратительная разведка. Командование не знало ни сил противника, ни реального состояния своих войск, ни даже начертания переднего края.

Для прояснения ситуации СССР запускает спутник оптико-электронной разведки «Космос-964», нацеленный на Эфиопию, разворачивает в районе Харэр взвод радиоразведки. Кубинцы выполняют десятки вылетов самолётов-разведчиков в оперативную глубину сомалийских войск. По приказу генерала армии В.И. Петрова советские советники лично уточняют начертание переднего края и положение войск на местности. В результате проделанной работы в штабах наконец-то складывается реальная картина положения на фронте.

К середине января 1978 г. эфиопские войска на Восточном фронте имели в своем составе 26 бригад (пехотных – 6, танковых – 1, бригад народной милиции – 13, пролетарских бригад – 6), из которых 5 находились на охране коммуникаций, около 230 танков, 180 орудий и миномётов, 42 пусковые установки БМ-21.

Линия фронта в декабре 1977 года

Подбитый эфиопский Т-54. Современный снимок

Командовал объединённой группировкой генерал Очоа, поскольку главная ударная сила – около 12 тыс. кубинских военнослужащих, 200 танков (танковая и две механизированных бригады), 40 пилотов фронтовой и армейской авиации, – была в его руках. Кубинскими соединениями и советниками командовали бригадные генералы Лопес Кубас, Леонардо Андольо, Густаво Чуи, Ригоберто Гарсиа и Леопольдо Синтра Фриас.

Кубинское руководство придерживалось политики экспорта революции практически с момента образования на острове социалистического государства. Всемирно известный символ революции Эрнесто Че Гевара был направлен в Латинскую Америку как раз для организации повстанческого движения. Менее известно, что уже в 1961 году кубинцы переправляли оружие в Алжир.

С ростом военной и экономической мощи соцлагеря к 1970-м годам у Советского Союза значительно повысились возможности проецирования военной силы в отдаленные регионы. Хорошо подготовленная, дисциплинированная кубинская армия (Революционные вооруженные силы, РВС) прекрасно подошла на роль ударного отряда социализма. Объектом применения такой стратегии стали в первую очередь африканские страны. Подчеркнём, что здесь у Кубы не было ни меркантильного интереса, ни политической выгоды. Более того, Советский Союз не подталкивал Кубу к таким действиям, а наоборот, выступал сдерживающим фактором. Но Фидель Кастро был редким в современной истории государственным деятелем – убежденным идеалистом. Он действительно посылал войска в Африку ради торжества идей социализма.

Например, с 1975 по 1988 г. в Анголе⁵ находился контингент кубинских войск численностью в несколько десятков тысяч

⁵ Кубинские войска были окончательно выведены из Анголы в 1991 г., а из Эфиопии ранее – в 1989 г. В том же году из Эфиопии были выведены советские военные советники. Это стало основными причинами падения режима Менгисту Хайле Мариам в Эфиопии в 1991 г. после захвата столицы страны народным фронтом освобождения Тигре. С 1991 г. Менгисту Хайле Мариам проживает в эмиграции в Зимбабве.

Истребитель МиГ-21бис

Ударный вертолет Ми-24

бойцов (до 58 тыс. человек). Именно в Анголе выросли как полководцы кубинский генерал Очоа и его соратники.

Арнольдо Очоа окончил военный колледж на Кубе и советскую Военную академию имени М.В. Фрунзе. В 1975 году Очоа назначается командующим кубинскими экспедиционными силами в Анголе⁶. В 1977 году он командирован в Эфиопию для руководства кубинскими частями в этой стране. Везде генерал проявляет себя блестяще, демонстрируя военный талант и немалое мужество. Такой стиль импонировал советским офицерам и генералам, которые считали его лучшим кубинским военачальником.

Генерал Очоа лично руководил боевыми действиями и любил командовать на передовой. Он был очень популярен в армии и нередко проявлял инициативу вопреки приказам кубинского руководства, то есть вёл войну практически самостоятельно.

По экспертным оценкам, только через Анголу прошло около 400 тыс. кубинцев, а общую цифру кубинцев, участвовавших в заграничных миссиях, специалисты оценивают в 550-600 тысяч. В том числе около 40 тыс. в разное время действовало в Эфиопии. В 1989 году кубинское правительство учреждает медаль «Por la Victoria Cuba-Etiopia», которой награждаются кубинские ветераны войны в Огадене.

В течение ноября-января в Аддис-Абеба, Текра, Дыре-Дауа, Хурсо, Дедеса с помощью кубинских и советских специалистов завершают подготовку пять пехотных дивизий, несколько отдельных танковых и механизированных бригад, артиллерийских дивизионов.

⁶ Широко распространённое заблуждение, на самом деле генерал Очоа служил в Конго, а после Эфиопии – в Никарагуа и не служил в Анголе до начала войны в Огадене в 1977 г. Лишь позднее в 1986-1989 гг. он служил в Анголе. Герой войны в Эфиопии и в Анголе генерал Арнальдо Очоа Санчес был приговорён к смертной казни на Кубе за наркоторговлю. Он полностью признал свою вину. Войну в Анголе против войск ЮАР выиграл в 1988 г. не генерал Очоа (как ошибочно полагают многие), а генерал Леопольдо Синтра Фриас, ныне – командующий вооружёнными силами Кубы.

В эфиопской армии значительно ужесточаются требования к дисциплине. Полевые трибуналы выносят смертные приговоры дезертирам и членовредителям. Оставление позиций без приказа считается изменой. Например, по личному приказу Менгисту были расстреляны командир и политкомиссар пехотной дивизии за несанкционированный отход. С прибытием на фронт в середине января 1978 года первых бригад, прошедших цикл боевой подготовки, боеспособность эфиопской армии заметно возрастает.

Советский советник:

«Сначала офицеры смотрели на нас с недоверием и даже свысока! А как они стреляли! Спрячет голову, как страус, винтовку выставит и палит куда попало. Потом уж я прут длинный срезал: вижу, кто-то так стреляет, как перетяну по заднице! И матом по-амхарски ещё врежу.

В общем, одним из первых наших уроков была стрельба. Взяли все образцы стрелкового оружия, прочистили, пристреляли. Собрали их руководство и попросили, чтобы выставили пехотное отделение. Эфиопы стреляли из М16, мы шестером – из «Калашниковых» (из АК). И все попали с первого раза. Я глаза скопил – у эфиопов челюсти поотвисали. У них из одиннадцати человек попали только двое. Начальник штаба сразу: «Научите наших солдат так стрелять!» А оружия там было море. Над кроватью у меня всегда висели два автомата, под – ящик гранат, гранатомёт. А с собой носил ТТ – хороший был пистолет, в руке сидел гораздо лучше «Макарова».

Также мы организовали боевое охранение, разведку, комendanтскую службу, заставили рыть блиндажи, траншеи, огневые позиции. И теперь как сомалийская артиллерия начинала бить, солдаты сразу в них ныряли. Проходишь потом, улыбаются: «Никаких проблем, комрад Виктор!» Ещё бы! До нас по сто человек убивало чуть не ежедневно! А как вырыли траншеи, в декабре–марте погибло от артобстрела только четверо. Обкатку танками делали. Офицеры сначала – ни в какую! Заставил. А потом им понравилось: по 5-6 человек

прыгали в окоп, чтобы танк над ними прошёл. Приходилось порой и танки вместо них водить. Там много таких дорог: с одной стороны – скала, с другой – пропасть. И как-то один танк ухнул вместе с десантом. Очень они боялись таких участков. Тогда я и ещё два наших танкиста садились за рычаги и проводили по очереди всю колонну...»

Однако главную надежду эфиопские военное руководство возлагает на кубинские войска и советских специалистов. Оно понимало, что в эфиопских частях моральный дух остаётся сравнительно низким, а профессиональная подготовка – слабой. Тем не менее такие соединения, как 3-я и 10-я пехотные дивизии эфиопской армии, постепенно приобретали стойкость и накапливали боевой опыт. Они уже более-менее научились вести оборонительный бой, им поручали удерживать самостоятельные участки в период концентрации сил для наступления. Но главной ударной силой становятся кубинские механизированные и танковая бригады.

Советский советник:

«Кубинцы, в отличие от эфиопов, серьёзные дисциплинированные бойцы. Воины. Поэтому ими, как водится, «затыкали дыры» на фронтах, причём, всегда успешно (и не только в Эфиопии, вспомните также про Анголу)».

Советский специалист:

«Кубинцы «нашего» танкового батальона были грамотными, но абсолютно безбашенными ребятами. Они чурались грязной и тяжёлой работы, например, рытья танковых окопов и укрытий, действовали смело, но безрассудно, не оценив обстановку, часто наобум. Когда после прибытия на фронт мы принялись рыть себе укрытие, кубинцы ходили рядом и посмеивались. Вскоре батальон прямо в районе сосредоточения накрыло миномётным огнём. Хотя упало всего несколько 120-мм мин, их осколки сбивали всё подчистую. В батальоне буквально за три минуты появилось около десятка раненых. Это произвело на кубинцев тяжёлое впечатление и по-

Кубинская механизированная бригада в декабре 1977 г.

Советский военный советник

Обучение эфиопских танкистов советскими специалистами

Кубинские танки на дороге к Джиджизга

действовало отрезвляюще. Мы же в отрытом рядом с палаткой ровике отсиделись благополучно. С того дня все инженерные работы выполнялись кубинцами неукоснительно и с усердием.

Хотя кубинцы относились к нам хорошо, нам не на чем было даже за водой съездить. Приходилось кормиться у них на полевой кухне, возникали и другие неудобства, связанные с отсутствием своего «угла» и транспорта. Каждый раз ходить на поклон к кубинцам нам надоело. Свои проблемы мы быстро решили после первого же боя с сомалийцами. Починили брошенные сомалийцами БТР-50ПК и ЗиЛ-157 с кунгом.

В кунге возили мелкие дефицитные запчасти, а также запас продуктов и удравшего от сомалийцев повара-эфиопа из Джиджиги, который прекрасно готовил любые блюда на трофейной походной печке».

Подбитый кубинский танк Т-62

КОНТРАСТУПЛЕНИЕ

8 января 1978 года начинается воздушная операция по изоляции района боевых действий Харэр, огневому поражению тыловых баз, артиллерии и бронетехники сомалийцев. Кубинские пилоты на МиГ-17Ф и МиГ-21бис демонстрируют хорошую эффективность ударов по живой силе и транспортным колоннам сомалийцев.

Сомалийцы пытаются перехватить инициативу на земле, и 21-22 января силами нескольких пехотных бригад при поддержке танков и артиллерии начинают штурм Харэр. На рубеже высот вокруг города разгорелись ожесточённые бои. Главный удар сомалийские войска наносили из района Комбольча на Харо с целью перерезать единственную дорогу, по которой поступало снабжение в Харэр. Однако эфиопским и кубинским частям удалось остановить противника вблизи шоссе, связывающего Харэр с Дыре-Дауа. Большую роль в отражении наступления сыграли артдивизион 152-мм гаубиц Д-20 и батарея БМ-21 «Град».

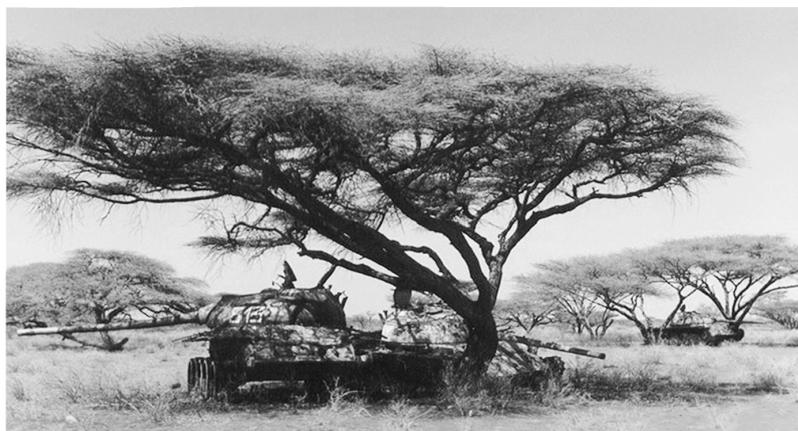
Советский специалист:

«Для кубинцев мы играли роль палочки-выручалочки на все случаи жизни. Кубинские офицеры хорошо знают тактику в пределах своей должности, умеют работать с людьми, но слабо разбираются в технике и вообще во всём, что выходит за пределы их должностных обязанностей.»

Нас распределили группами по 3-4 человека по батальонам, часть старших офицеров осталась при штабе брига-

Кубинский военный советник Орландо Кардозо Виллавикенкайо. Захвачен в плен сомалийцами 22 января 1978 года в районе Харар. Год и семь месяцев провел в тюрьме в Сомали. Ныне полковник запаса, герой республики Куба, известный писатель.

Разбитая техника на месте боев. Современный снимок

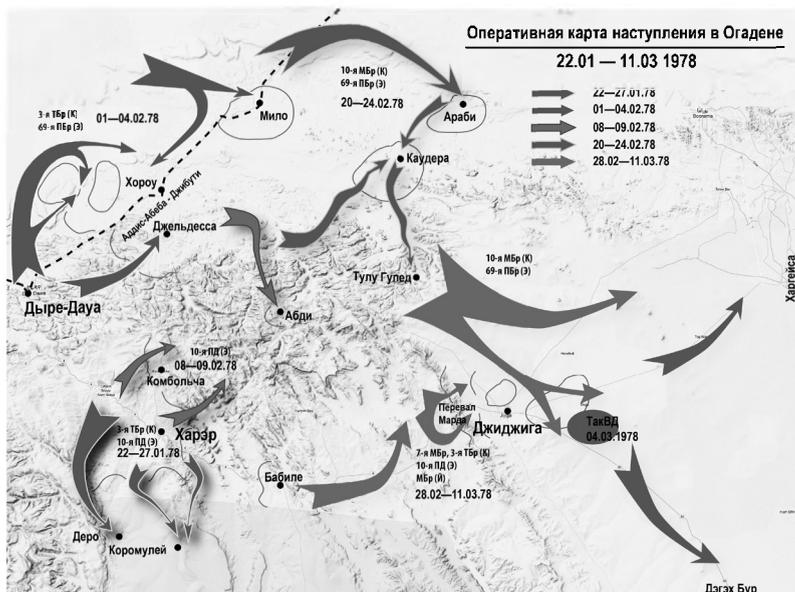
ды. Пока бригада действовала целиком, мы каждый вечер собирались вместе, обменивались мнениями, ужинали, пели песни. Особенно тщательно следили за чистотой воды, поскольку всякой гадости в Эфиопии было сверх всякой меры».

22 января 1978 года объединённая группировка в составе 35 бригад (270 танков), при поддержке 46 самолётов фронтовой авиации и 162 орудий начинает наступление против сомалийских войск с позиций южнее Харэр. В этом районе наступление развивается медленно, с темпом 2-3 километра в сутки.

1 февраля переходят в наступление три пехотные, механизированная и танковая бригады из района Хурсо – Дыре-Дауа в направлении Хороу – Мило. Во главе наступления движется бронированный таран из танков Т-62 кубинской бригады. Внезапность действий, подкреплённая сокрушительным танковым ударом и сильной огневой поддержкой с воздуха, привела к разгрому сомалийской группировки буквально за трое-четыре суток. Только на этом направлении сомалийцы потеряли несколько тысяч человек, 42 танка, более 50 артиллерийских орудий. Всего в боях под Харэр сомалийцы потеряли около 4 тыс. человек убитыми, ранеными и пленными, 57 танков. Главную ударную силу наступающих войск составляли три бригады кубинской армии, что обусловило быстрый успех.

Советский специалист:

«Ранним утром 2 февраля 1977 года в районе Дыре-Дауа впервые пошёл в танковую атаку, напросившись на место наводчика в экипаже командира роты. Внешне всё выглядело почти как на учениях: развёртывание в предбоевые порядки, потом – в боевую линию, столбы артиллерийских разрывов где-то впереди. Разница была в том, что в прицел наблюдал вспышки выстрелов противотанковых орудий и закопанных танков противника. Во время атаки вражеские артиллеристы накрыли танки заградительным огнём, из которого мы быстро вышли, не имея потерь».

Общий замысел наступления

Ночью прошёл сильный дождь, поэтому разрывы снарядов и гусеницы танков пыль не поднимали, но видимость была средней. Сильно мешали испарения, поднимавшиеся от земли. В прицеле всё искажалось и плыло. Открыли огонь с ходу по вспышкам выстрелов ПТО осколочно-фугасными снарядами со снятым колпачком, дальность стрельбы была около полутора километров. Хорошо замаскированные орудия были сначала почти незаметны, но после нескольких выстрелов маскировка с них слетела, пороховые газы выбили заметные пятна на земле у дульного тормоза. Танки перешли на беглый огонь и за несколько минут задавили всю противотанковую артиллерию.

Когда танки приблизились к окопам метров на триста-четырееста, сомалийская пехота побежала в тыл. Танки её не преследовали, встали перед окопами в ожидании своей пехоты, которая на БТР-60 далеко отстала. На-

верное, кубинцы так сделали специально, чтобы вызвать на танки огонь артиллерии с закрытых огневых позиций, затем уничтожить артиллерию ударами авиации и тогда уже пускать пехоту. Всё получилось, как задумывалось. Потерь в бригаде почти не было, танки сработали отлично. Вот только наружное оборудование сильно посеколо осколками 130-мм снарядов. Практически не осталось целых ящиков ЗИП, побило много прожекторов «Луна». Некоторые экипажи не сняли перед атакой дополнительные маслобаки, их по закону подлости тоже пробило. «Мой» ротный матерился по этому поводу по-испански и по-русски, при этом слово «мьерда» (дерьмо) было самым мягким выражением».

Интересное описание этого боя со стороны приведено в журнале «История авиации» (№25) в статье лётчика, полковника Владимира Бабича и Владислава Морозова:

«Двигавшаяся форсированным маршем на боевых машинах пехоты на помощь защитникам города кубинская мотострелковая бригада, усиленная батальоном танков Т-62, в это время уже выходила на рубеж атаки, а о её приближении противник даже не подозревал.

Не тратя время на рекогносцировку и предварительную артподготовку, кубинцы с ходу атаковали, огнём и гусеницами сметая слабое сопротивление противника, совершенно не ожидавшего такого поворота событий. В боевых порядках передовых подразделений кубинцев двигались советские авианаводчики с курсантами Института военных переводчиков. Благодаря этому вскоре появившиеся над наступавшими танкистами и мотострелками лётчики смогли получить детальные сведения об обстановке на земле и укладывать свои «гостинцы» с точностью ювелиров. В образовавшемся небольших размеров «котле» погибало всё живое, и к утру следующего дня, когда эфиопы и кубинцы начали прочёсывание местности, потери сомалийцев составили свыше трёх тысяч человек».

В столь красочном описании есть неточности, но в целом ситуация передана верно.

Эфиопские Т-62 были в советской стандартной (зелёной) окраске, никакой камуфляж не наносили. Да в нём и не было необходимости. Через трое суток все танки были покрыты слоем грязи и пыли под цвет типичного краснозёма.

Сомалийцы начали отход из района Хороу на Араби, а от Харэр – в направлении Бабиле, Джиджига, где ими были заранее подготовлены оборонительные позиции. Отступление сомалийской армии на глубину около 50 км проходит не слишком организованно. На дорогах остаётся много брошенной неисправной техники, значительные трудности возникают со снабжением войск ГСМ и продовольствием. К тому же в воздухе господствует эфиопская авиация, время от времени нанося чувствительные удары по колоннам войск. Под угрозой охвата сомалийцы оставляют позиции на железной дороге в районе Айша, и уже 9 февраля первый эшелон с грузами приходит из Джибути в Аддис-Абеба.

Из воспоминаний генерал-майора в отставке Голицына Павла Агафоновича, в описываемый период – начальника отдела в Главном разведывательном управлении Генерального штаба:

«Осенью 1977 года меня командировали в Эфиопию в составе делегации генералов и офицеров Министерства обороны.

В задачу нашей делегации входило ознакомление на месте с обстановкой после вторжения сомалийских вооружённых сил в Эфиопию и оказание помощи эфиопской армии в изгнании агрессора. В составе нашей делегации были генералы и офицеры от разных управлений Генерального штаба, от видов вооружённых сил и родов войск (операторы, разведчики, авиаторы, танкисты, артиллеристы, моряки, политработники, связисты, специалисты ПВО и др.)...

С утра 22 января после интенсивной авиационной и артиллерийской подготовки перешли в наступление эфиопские и кубинские части и подразделения южнее Харэр. Мы с руководителем нашей делегации и генерал-майором Е.А. Алещенко находились на командном пункте западнее Харэр и наблюдали этот бой. Несколько мин разорвалось около нашего КП. 2 и 3 февраля была проведена операция в районе Дыре-Дауа, в результате которой сомалийцы были отброшены от Дыре-Дауа на 40-45 км. С 8 по 12 февраля проведена была операция по уничтожению противника севернее Харэр.

После трёх последовательных контрударов на Восточном фронте противник уже не мог оказывать организованное сопротивление. Было уничтожено и захвачено около 70% сомалийских танков, более 80% орудий полевой артиллерии и миномётов».

В первых наступательных боях доказали своё превосходство танки Т-62, которые обеспечили прорыв обороны под Харэр, уничтожив не менее 15 танков. Основная противотанковая пушка сомалийской армии Д-48 оказалась неэффективной против советских же танков. Поразить танки Т-54/55 и Т-62 она могла только в борт. Батальоны Т-62 на благоприятной местности использовались как ударный кулак. Используя преимущество в вооружении, Т-62 уничтожали сомалийские танки и артиллерию на дальностях свыше 1500 метров, оставаясь практически неуязвимыми. Однако поражение окопанной пехоты и укрытых огневых точек требовало повышенного расхода осколочно-фугасных боеприпасов. Эффективность огня по таким целям оказалась ниже ожидаемой.

Кубинский офицер:

«Танки Т-62 – самое могущественное оружие в этой войне. Я бы сказал, что это вообще самое полезное вооружение сухопутных войск. Их роль здесь и сейчас даже больше, чем кавалерии у наших предков. Без этих танков мы бы застряли здесь на несколько лет, как в Анголе».

Генеральное сражение

Продолжая наступление в направлении Джиджига, эфиопские войска столкнулись с ожесточенным сопротивлением сомалийцев, закрепившихся на двух ведущих к городу проходах в горах — Марда и Шебеле. 1 марта сомалийские войска нанесли контрудар силами пехоты, танков и артиллерии по передовым частям эфиопского фронта, но потерпели неудачу. Наученные советскими советниками и набравшие боевого опыта эфиопские войска при достижении рубежей сразу закреплялись, отрывали окопы и организовывали систему огня. Сломить такую, даже поспешно занятую оборону, можно было только подготовленным наступлением. 3 марта повторная попытка сомалийских бригад контратаковать также завершилась провалом. Противнику элементарно не хватало огневой мощи: его авиация была повержена, артиллерия сидела на голодном снарядном пайке.

Советский советник:

«В конце февраля на фронт приехал генерал армии Василий Иванович Петров и устроил большой разнос за то, что до сих пор не вошли с противником в огневое соприкосновение. Был он нравом очень крут. И наши, и эфиопы тогда от греха подалее по всем целям попрятались. А мне довелось сопровождать его по фронту. Впервые я тогда услышал, как командование матерится. Да еще как! Орал на эфиопского командующего фронтом: «Какой ты командующий, ты — пастух!»

Большую роль в отражении атак сомалийцев 1 и 3 марта сыграли батальоны кубинской танковой бригады, назначенные на поддержку передовых пехотных бригад, а также противотанковая батарея кубинской механизированной бригады, имевшая на вооружении противотанковые комплексы 9П133 и пушки Т-12.

Кубинский командующий с самого начала понимал, что взятие перевалов в лоб возможно только ценой тяжелых потерь. Его замысел наступления раскрылся в тот момент, когда главные силы наступающей группировки уперлись в прочную оборону сомалийцев на перевалах перед Джиджиге.

В это время правое крыло фронта (кубинская механизированная бригада и часть сил эфиопской 10-й пехотной дивизии), продвигаясь в южном направлении, обошло перевал Шебеле и вышло к горному проходу, занятому незначительными силами сомалийцев (до батальона с танковой ротой).

Генерал Очоа заблаговременно создал обходящий отряд в составе усиленной 69-й механизированной бригады и направил его через горные проходы далеко на севере от района боев. Этот марш по каменистым долинам и узким горным проходам занял несколько суток. Как назло, несколько ночей подряд в горах шли проливные дожди. Погодные условия сильно замедлили продвижение бригады. Камни, оползни, скользкий грунт на узких тропах вызвали потери: несколько танков и БТР, орудий, немало автомобилей свалились в пропасти или были разбиты на крутых подъемах и спусках. Погибло и несколько человек. Генерал Очоа вылетел к бригаде на вертолете и под дождем отшагал всю ночь в колонне с бойцами самый трудный участок перехода, подбадривая кубинцев. Выйдя на плоскогорье, обходящий отряд повернул на юг. В итоге 69-я механизированная бригада к исходу 4 марта оказалась в глубоком тылу позиций сомалийцев под Джиджиге.

Рано утром 4 марта началось фронтальное наступление в направлении перевал Марда — Джиджиге главных

сил, поддержанное кубинской танковой бригадой на Т-62 и несколькими эфиопскими танковыми батальонами Т-55. После огневой подготовки продолжительностью 30 минут оборона противника на господствующих высотах была атакована в лоб. В первом эшелоне сомалийцев находилось пять бригад, занимавших полевые фортификационные сооружения. В атаку пошли девять пехотных и две танковые бригады, несколько отдельных батальонов эфиопской группировки. 30-минутная огневая подготовка силами 220 орудий и РСЗО не смогла нарушить систему огня противника, подавить его огневые средства и по наступающим танкам был открыт интенсивный огонь противотанковой артиллерии и окопанных танков.

Советский советник:

«Наступать на Джиджига начали 4 марта 1978 года. И получилось так, что выступили не в 5 утра, как было запланировано, а на 15 минут раньше. А ровно в 5 точнехонько по оставленным позициям сомалийцы нанесли артиллерийский удар — как и на любой войне, не обошлось без предательства. И случалось такое не раз. Поэтому мы постоянно меняли позиции артиллерии и танков.

Непосредственные боевые действия продолжались до 20 марта и закончились победой эфиопов. Хотя противник воевал лучше — в Сомали незадолго до конфликта были наши военные советники, которых оттуда срочно эвакуировали. Но эфиопы тоже научились воевать — смело шли в наступление, хотя автоматно-пулеметный огонь был очень сильным. Палили, но шли. Впрочем, бывали моменты, приходилось стоять как в заградотряде. Если бегут, передерживаешь затвор: «Давай назад!» А они руками машут: «Энеми! Энеми!» — противник. Я их по матери. И сам с ними вперед.

Пленных эфиопы не брали. Спрашиваю, почему. Нам своих солдат нечем кормить, отвечают. Это точно. Питались они очень слабо. Солдатам давали паек на неделю, и каждый готовил себе сам. И получалось на солдата в сутки баночка

супа, пара сухарей и чай. Куда это годится? А ведь мы туда полевые кухни привезли, показали, как ими пользоваться...»

В первые же минуты боя понес потери эфиопский танковый батальон Т-55, попавший под фланговый огонь хорошо замаскированной противотанковой батареи. Одним из первых загорелся и взорвался танк командира батальона, затем были подбиты еще несколько машин. Батальон развернулся и беспорядочно рванул назад, проскочив боевые порядки своей пехоты. Пехота залегла, попытки поднять ее в атаку провалились, на левом фланге атака захлебнулась.

Эфиопский танковый батальон, продвигавшийся по центру боевого порядка, попал на минное поле, подорвалось около десятка танков. Хотя их повреждения были незначительными, наступление здесь также застопорилось. Кубинская танковая бригада, наступавшая по-батальонно за боевыми порядками эфиопской пехоты в центре, прямо на перевал Марда, также остановилась и вела разрозненный огонь с места одиночными танками.

Сомалийцы демонстрировали хорошую организацию системы огня и стойкость войск. Практически по всему фронту эфиопская пехота залегла, попав под огневые налеты сомалийской артиллерии. Танки не продвигались вперед из опасения попасть на минные поля и вели дальний огневой бой, находясь в невыгодной позиции. Боевые порядки атакующих просматривались противником с перевала Марда и прилегающих высот на всю глубину. Если бы у сомалийцев были современные противотанковые средства, они смогли бы сжечь десятки танков. Но таких средств у них не было. Поэтому потери атакующих в танках насчитывали не более 30 единиц.

Командующий войсками принял решение приостановить фронтальное наступление, отвести войска на безопасное удаление, провести повторную огневую подготовку атаки с учетом вновь разведанных целей, под ее прикрытием проделать проходы в обнаруженных минных полях. По-

вторная огневая подготовка атаки продолжительностью 90 минут началась около полудня, в ней участвовали боевые вертолеты Ми-24.

Повторная атака проходила более организованно. На этот раз кубинская танковая бригада двигалась впереди, йеменская пехота – за ней, эфиопская пехота и танковые батальоны прикрывали фланги. Кубинские танкисты успешно преодолели минные поля по проходам, развернулись и, ведя огонь с ходу, ворвались на позиции противника на перевале Марда. Фланговые танковые батальоны бригады во взаимодействии с пехотой начали медленно «сматывать» оборону сомалийцев к флангам.

В это же время по позициям артиллерии, штабам и узлам связи сомалийской группировки в районе Джиджиги с севера ударила кубинская механизированная бригада. В районе Ваджи преодолела горный проход и сломала оборону противника другая кубинская механизированная бригада совместно с эфиопской 10-й пехотной дивизией, также нацеленные на Джиджигу.

В тыл сомалийских войск юго-восточнее Джиджиги был высажен с вертолетов тактический воздушный десант численностью до батальона, включающий несколько АСУ-57 и БРДМ-2. Десант атаковал тыловые подразделения сомалийцев, разгромил узел связи и командный пункт начальника артиллерии, захватил склад ГСМ.

Под угрозой окружения, утратив управление войсками, сомалийцы не выдержали и побежали в восточном направлении, бросая технику и оружие. Тысячи сомалийских солдат ушли к городу Харгейса. К исходу 4 марта войска эфиопской группировки полностью заняли Джиджигу, а в течение 5 марта завершили операцию зачисткой района боев. В руки наступающих попало большое количество вооружения, боеприпасов, ГСМ и других материальных средств.

С утра 6 марта войска объединенной группировки решили к преследованию противника по двум расходящимся направлениям. Часть сил (восемь бригад) продвигалась на

юг вдоль дороги на Дегебур и далее к сомалийской границе. По пути эта группа выделяла отряды для освобождения крупных населенных пунктов в стороне от направления наступления: Годе, Доло, Ими. Сопротивление противника было незначительным, в основном сводилось к обстрелу войск бандами «фронта освобождения». Как правило, после нескольких выстрелов из танков противник бежал. 13 марта южная группировка вышла на широком фронте к сомалийской границе, завершив освобождение временно оккупированной территории от противника.

Другая группировка, в составе шести бригад (в том числе йеменской механизированной и кубинской танковой) преследовала противника в направлении Гедеб и вышла к границе на восточном направлении уже 9 марта, где находилась до 15 марта, когда сомалийский диктатор Сиад Барре официально объявил о «выводе войск». На этом война за Огаден завершилась.

Итоги войны

Главный итог войны был в том, что удалось сохранить территориальную целостность Эфиопии. Окончательно рухнула идея создания «Великого Сомали» во главе с военным диктатором Барре. И хотя Сиада «простили» и войска Эфиопии не перешли границу, поражение в войне стало началом конца диктатора.

Для Советского Союза война стала проверкой новых качеств его военной мощи. Подтвердилась способность СССР в короткие сроки создавать в отдаленных регионах крупные боеспособные коалиционные группировки. Куба лишь один раз продемонстрировала готовность воевать «за идеалы» и хорошие боевые свойства своей армии.

Оценить потери сторон в людях крайне затруднительно. Точной информации на этот счет не имеется. Более-менее достоверные цифры введены в научно-исторический оборот благодаря эфиопскому исследователю Гебуру Тарекке, который много лет занимается изучением данного конфликта.

Таблица 1. Потери эфиопской стороны в людях

Страна	Убитых	Раненых	Пленных и пропавших без вести
Эфиопия	6133	10563	2505
Куба	160	250	3?
Южный Йемен	90	150	?
СССР	22?	?	-

Потери сомалийской стороны указать точно невозможно. Сомалийцы никогда не публиковали таких цифр, а зная их методы учета личного состава в целом и потерь в частности, можно сказать, что достоверных данных мы не получим никогда. Сегодня в России общепринятой считается цифра в 20000 сомалийских военнослужащих только убитыми. Эта цифра кажется завышенной. Вероятно, вооруженные силы Сомали потеряли убитыми до 10 тысяч человек, еще 2-3 тысячи возможно потеряли отряды ФОЗС. Количество раненных составило около 20000 человек. Число пропавших без вести неизвестно, но вряд ли их было больше нескольких десятков человек (в силу особенностей конфликта). Пленных было около 250 человек, что удивительно мало. По сути, в живых остались только сомалийцы, попавшие в плен к кубинцам. Кубинцы их переписали и очень жестко потребовали от эфиопов отчета за каждого пленного. Поэтому после войны обмена пленными практически и не было: всего по две-три сотни человек с каждой стороны, при участии в боевых действиях многих десятков тысяч солдат!

Из записки в политбюро социалистической единой партии Германии от МИД Германской Демократической Республики, 13 февраля 1978 года

...Вице-президент республики Куба товарищ Родригес также сообщил нам о некоторых других вопросах. По ситуации в Огаден товарищ Родригес сообщил, что большое контрнаступление готовилось с 25 декабря 1977 года. В последние дни состоялись два крупных сражения (имеются в виду бои под Харэр – авт.), в ходе которых сомалийцы потеряли более 3000 человек. Серьезная проблема в том, что эфиопские товарищи не хотят брать военнопленных и таким образом действуют очень безжалостно.

В отличие от людей, потери сторон в боевой технике определены достаточно точно. По крайней мере, в отношении наземной техники. Особенность войны была в том, что

не подлежащая восстановлению техника осталась на местах боев, где до сих пор зачастую и пребывает. Сегодня любой желающий может побывать в окрестностях Диредава, Арева, Кемболча, Харар, Джиджига и сам подсчитать сотни единиц танков, орудий, бронетранспортеров, ЗСУ и другой военной техники, ставших своеобразными памятниками в местах ожесточенных боев.

Таблица 2. Потери сторон в военной технике

Страна	Самолёты	Танки	БМБ	Орудия	Автомобили
Эфиопская сторона	23	139	108	78	1400
Сомали	28	172	130	204	1900

13 марта 2008 года в столице Кубы городе Гавана состоялось торжественное заседание, посвященное 30-й годовщине участия кубинцев в победоносной войне за освобождение Огадена от иностранных захватчиков. Выступивший на заседании генерал армии, министр революционных вооруженных сил Хулио Касас Ригейро отметил бескорыстие и героизм, проявленные кубинцами в деле помощи братскому народу Эфиопии.

От имени кубинских ветеранов, воевавших в Эфиопии, выступил дивизионный генерал Леонардо Андольо, заместитель начальника Главного штаба вооруженных сил. Генерал сказал, что кубинцы совершили необыкновенный военный подвиг, показав в ожесточенных сражениях примеры героизма, проявив храбрость и воинское мастерство. Он подчеркнул, что сердечные связи между Эфиопией и Кубой объясняются подлинной дружбой между тысячами людей, вместе сражавшихся за свободу.

Посол Эфиопии на Кубе Берану Дибоба Кума от имени правительства и народа выразил благодарность за брат-

ство и солидарность кубинскому народу, подчеркнув, что помощь Кубы стала примером совместной работы двух стран в чрезвычайных исторических обстоятельствах.

Эта война стала примером тесного сотрудничества кубинских, советских и эфиопских военных, сильно укрепила авторитет советской армии и СССР в целом в кубинском и эфиопском народах. К сожалению, прочные позиции в Африке, добытые Советским Союзом усилиями и кровью тысяч советских военнослужащих, расходом миллиардных ресурсов, сейчас во многом утрачены.

Шуманов Вячеслав Михайлович,
полковник запаса

– Представьтесь, пожалуйста.

– Шуманов Вячеслав Михайлович, полковник запаса⁷.

– Военный переводчик?

– Был военным переводчиком. Испробовал много специальностей.

– С каким языком заканчивали Институт?

– Заканчивал с французским и итальянским. Это был славный 1972 год.

– А до поступления не служили в армии?

– Нет. Сразу после школы пошёл работать. Проработал два года. Потом поступил в Военный институт иностранных языков, западный факультет.

– И закончили в 1972 году в звании лейтенанта?

– Я закончил в звании старшего лейтенанта. Потому что у меня уже были две командировки. Первая в Сомалийскую Республику, с которой мы тогда очень крепко дружили. Работал

⁷ Запись беседы сделана к.и.н. полковником А.Н. Токаревым и к.и.н. Шубиным Г.В. в 2006 году.

там военным переводчиком в городе Харгейса на севере Сомали (ныне – столица фактически независимого Сомалиленда). Я работал с итальянским языком...

– Тогда сомалийцы ещё помнили итальянский?

– Дело в том, что после создания Сомали офицеров-южан отправляли на север, а южан – на юг. Была такая мешанина. Командующий северного сектора говорил на итальянском, и все офицеры говорили по-итальянски. Это был 1965 год.

– То есть Вы после первого курса поехали?

– Да. После года учебы я поехал.

– Какое вооружение у них было: танки Т-55 или Т-54?

– У них были танки Т-34. Но я работал не с танкистами, а с артиллеристами.

– М-30?

– Да, у них была артиллерия (артиллерийские орудия М-30 калибра 122 мм и РСЗО БМ-21), мы работали с артиллерией и обучали их сапёров. Тогда «Катюша» (БМ-21) была новейшей, они были безумно рады, когда она «пришла»⁸, в городе весь вечер был праздник. Это оружие и сейчас неплохое.

Так что первая командировка у нас прошла на «ура». Два года я отработал – поработал и в Харгейсе и в Могадишо (столице Сомали).

– И после этого вам дали лейтенанта?

– Мы поехали уже младшими лейтенантами, потом через два года получили лейтенантов, и дальше уже служба шла в лейтенантском звании.

⁸ По другим сведениям в Сомали было поставлено в СССР только 4 единицы РСЗО БМ-21 калибра 122 мм в 1976 г., да и те попали вместо Сомали в Эфиопию. Возможно в Сомали поставлялись ранее – в 1965 году не БМ-21, а БМ-14 (калибра 140 мм) и БМ-24 (калибра 240 мм). (По материалам Интернета).

– У вас был ускоренный курс или обычный?

– Обычный. Дело в том, что, особенно это было связано с ребятами, которые изучали арабский язык – они за время учёбы два-три раза выезжали в командировку.

– И заканчивали капитанами?

– Заканчивали лейтенантами. Всего-навсего. Поэтому обратились в Министерство обороны с тем, чтобы им хотя бы после второй командировки давать младшего лейтенанта, чтобы тогда соответственно менялось и положение и, самое главное, довольствие. Иначе было трудно жить, ребята уже женились, а жить на стипендию было грустно.

– Сколько она была у вас – 80 рублей?

– Начиналась с 75 рублей, а на последнем курсе была 95 рублей.

– На одного ещё ничего...

– Ну да, люди приходили солидные, после армии...

– А какие именно были средства ПВО у Сомали?

– Я с ПВОшниками не работал. Мы работали с артиллерией. М-30, БМ-21. В Сомали в то время поставляли не самое современное оружие.

– А мины какие были не помните?

– Мины не помню, потому что мы в то время преподавали сомалийцам – работа с толлом, с шашками, как поставить заряд, как его взорвать, как себя обезопасить.

– Это сейчас Центральное Сомали или север?

– Сейчас нет страны как таковой. Сейчас существует Сомалиленд – это как раз северная часть – раньше была английская колония, она отделилась, живёт вот уже двадцать лет...

– И, говорят, живет неплохо по сравнению с остальными...

– Живет да, старается жить. Рядом находится Пунталенд – северо-восток. Там президент тоже окончил военный ВУЗ в СССР. И на юге тоже самое – идёт война.

– Как я понял, северяне были более, если можно так сказать, цивилизованные что ли?

– Считается, да. На севере, как бы сказать, более чистые сомалийцы, на юге они перемешаны с банту. Это раса эфиопская. Распространена в Эритрее, Сомали, Джибути и Эфиопии. Считается, что славяне в своё время там побывали, внесли свой вклад в развитие Восточной Африки.

Интересный эпизод был в 1969 г., когда меня сняли с занятий, сказали одеться в гражданскую одежду, собрать небольшой чемоданчик и прибыть в 10-е главное управление Генерального Штаба (в Десятку). Это была моя вторая командировка. Нам тут же выдали паспорта, посадили на самолёт (Ил-18), и мы полетели в столицу Гвинейской Республики Конакри. Большая группа нас была – 8 человек. С французским языком. В это время шла борьба за освобождение Гвинеи-Бисау, и возглавлял её руководитель первой волны заслуженный и известный человек – Амилкар Кабрал. Его поддерживал президент Гвинейской Республики Ахмед Секу Туре.

Мы прибыли в Конакри 25-го ноября 1970 г., а с 20 по 22-е там была высадка португальского десанта.

– Расскажите про подземную тюрьму.

– Ну, я там не был в этой подземной тюрьме. Там содержали португальцев, которые захватывали в Гвинеи-Бисау.

– Вы рассказывали, что её сделали ГДРовцы?

– Их там содержали, да. Португальцам свою задачу удалось решить, они своих освободили, посадили на корабли и ушли. Попутно они хотели убить и Кабрала. Когда мы на следующий день после приезда приехали к нему, мы увидели у него

в кабинете огромную дыру. Оказалось, что он буквально за несколько секунд до взрыва вышел из кабинета.

– То есть просто из гранатомёта шархнули?

– Да. На меня он произвёл очень хорошее впечатление. Человек высокоинтеллигентный, грамотный, говорил на нескольких языках. Таким людям португальцы давали статус ассимилянтуш, т.е. приравнивали их к белым людям и давали им возможность занимать все высокие должности. Он писал стихи. Хороший руководитель. Как потом оказалось, свои же убили. Из-за противоречий между мулатами и коренными жителями. Он был мулат. И после этого движение разделилось. Острова Зеленого мыса получили независимость и стали строить свою республику, а Гвинея-Бисау до сих пор потихонечку воюет друг с другом: переворот за переворотом, да ещё Гвинея-Бисау стала перевалочным пунктом для наркотиков. В месяц до 10 тонн кокаина проходит через порт.

Ну, а до этого прошло два переворота, когда убили не соглашавшихся с перевалкой наркотиков начальников генерального штаба.

Что мы смогли решить. Я при этом не присутствовал. Та группа, которая прибыла со мной, восстановила военное сотрудничество с Гвинеей. Через месяц прибыли наши специалисты, которые начали оказывать содействие специалистам и авиации, и вооружённых сил.

– А какое вооружение там было?

– В Гвинее хорошие гаубицы (М-30), танки (Т-54), там по тем временам хорошее вооружение было.

Могу добавить к уже сказанному следующее. Жизнь военного переводчика состоит из неожиданных событий. Так было и с моей краткосрочной командировкой в Гвинею (Конакри). Я уже был курсантом третьего курса Западного факультета т.е. хорошо владел французским языком. Не знаю почему, но начальник курса подполковник Столяров Сергей Иванович (ныне покойный) выдвинул мою кандидатуру. Меня сняли с занятий и в этот же день я прибыл на Арбат в 10-е Главное управление Генерального

штаба, которое отвечало за военно-техническое сотрудничество с армиями иностранных государств. Там была сформирована команда из восьми человек во главе с двумя полковниками и вскоре мы вылетели в командировку. Тогда я не задавал себе много вопросов, а сейчас я понимаю, почему у нас был такой сложный и долгий полёт. Мы пролетели по маршруту Москва (аэродром Чкаловский) – Алжир – Бамако (Мали) – Конакри (Гвинея). По маршруту мы останавливались в каждом городе на сутки. Было очень приятно, что везде нас встречали свои ребята: выпускники или курсанты нашего Военного института иностранных языков. Всё было прекрасно и гостеприимство было на самом высоком уровне. В Алжире нас разместили в гостинице в центре города. Был месяц Рамадан. В два часа ночи всё было открыто. Люди сидели за столиками в кафе. Отношение к советским людям было самое доброжелательное. Сразу же вспомнил роман Мопассана «Милый друг», в котором описывался город Алжир. Затем мы прибыли в Бамако. Как я теперь понимаю, такой сложный маршрут был связан с необходимостью согласовывать план полёта с различными странами. В это время 22 декабря португальцы высадили десант в Конакри, освободили своих пленных, которых ПАИГК (Африканская партия независимости Гвинеи Бисау и островов Зеленого Мыса) передавала в Конакри и которые находились в подземной тюрьме, построенной с помощью специалистов из ГДР. Попутно португальцы высадили гвинейских наёмников, которые должны были совершить военный переворот или отвлечь внимание на себя. Наёмников потом долго ловили по всей столице. Серьёзной военной силы они не представляли. Посадка в Конакри была очень напряжённой. Мы не знали обстановки и опасались, что аэропорт мог быть под контролем португальцев или наёмников. Команда командиру экипажа была предельно ясной: двигатели не глушить, в случае опасности начинать взлёт. Но всё обошлось. Мы увидели, что нас встречает группа советских представителей, во главе которой был наш посол в Гвинее Ратанов (затем был послом Советского Союза в Эфиопии), Нам сказали, что он немножко прихрамывает и по этому признаку мы сразу признали своих. Затем прибыли в Конакри.

Я с основными членами делегации встретились в лидером ПА-ИГК Амилкаром Кабралом, который чудом избежал смерти 22 декабря. В его офис выстрелили из гранатомёта, а он буквально за секунду вышел из него в другую комнату. Нам показали его кабинет и огромное отверстие в стене. Кабрал произвел на меня самое приятное впечатление: отличный французский язык, живой ум, скромность. Он был из тех первых лидеров, которые понимали все трудности борьбы с колониализмом и могли повести за собой народ.

По результатам переговоров нашей делегации удалось расширить военное сотрудничество с правительством Гвинеи. Туда была направлена большая группа военных специалистов, но это уже другая история.

После этого мне удалось ещё раз побывать в Сомали, поработать в Народно-Демократической Республике Йемен.

– В Сомали во второй раз Вы когда были?

– 1974–1977 годы.

– А при Вас наших специалистов «попросили» оттуда?

– После меня. В моей жизни много таких эпизодов было: из Гвинеи мы уехали, через два месяца там переворот, в 1967 г. я возвращался домой, переночевали в каирском аэропорту, в 4 часа утра я улетел, а в 6 часов утра израильская авиация сравняла его с землей...

Из Сомали я уехал в апреле 1977 года, а в сентябре началась война с Эфиопией.

– И многие по приказу перебрались из Сомали в Эфиопию?

– Да, практически все так. Небольшой контингент в посольстве в Сомали остался: Посол и несколько человек с ним.

– То есть выкинули не всех?

– Да. Военных выкинули, Торговое представительство, Аппарат эконом советника выкинули, Если раньше там работало порядка 10 тысяч человек, то осталось не более 10 человек.

– Но говорят, что русский язык до сих пор помнят.

– Да, русский язык они помнят.

– Из руководителей кто-то?

– Не только. Мне повезло: я был в Асмэре (столице Эритреи) и там проходил конгресс по примирению всех сил (2008 г.). Формально договорились, все подписали и разбежались по разным углам. Собрали там сомалийцев и из Канады, из Америки, отовсюду... Ничего не удастся сделать. Дело в том что кланы, на которые опирались итальянцы в своё время, были в загоне при президенте Сомали Сиаде Барре. Сейчас они пытаются восстановить свое влияние, а никто не хочет отдавать.

– Мне объяснял бывший посол советский в Сомали (Корнеев, к сожалению, ныне покойный)⁹, что самые низшие кланы там, они и есть на юге в Могадишо.

– Дело в том самое многочисленное племя Хавийя . В центре страны вот они сейчас в основном и держат центр, никому отдавать его не хотят. Там сильна Аль-Шабаб. Север отделился, закрылся и всё. Пытается выжить и как ни странно дружит с эфиопами. Что удивительно: исконные враги – эфиопы – стали лучшими друзьями.

– А в Йемене когда были?

– 1981–1984 годы.

– С каким языком?

– Английский, арабский. Я когда был в Сомали, подучил немножко английский, потом здесь позанимался арабским. Языков было много.

⁹ Посол был свидетелем как Сиад Барре покидал Сомали в 1991 г. в аэропорту Могадишо. Он ехал на советском БТР-60ПБ в сопровождении одного танка Т-55. До сих пор ходит легенда что сомалийский диктатор уехал в эмиграцию на танке Т-55. Так же существует точка зрения, что Сиад Барре затеял войну с Эфиопией за Огаден в 1977-1978 гг. (поражение в которой позднее и привело к распаду страны в 1991 г и к польхающей до сих пор гражданской войне в Сомали) потому, что сам был уроженцем данной провинции.

Из Йемена я тоже уехал (опять повезло) накануне переворота, когда они все друг друга перестреляли.

– Такой вопрос: действительно ли Йемен был всегда свалкой всего возможного вооружения. Говорят там ещё стоят на вооружении танки Т-34, Т-54, Т-55, Т-62 и современные Т-80 и Т-72? То есть и самое старое и самое современное (советское) оружие.

– Поставляли мы туда самое современное оружие. МИГи (МиГ-21, танки -модели не помню), но самые современные. Они его опробовали в конфликте между Севером и Югом. Они же поддерживали тогда освободительное движение в Дофаре (в Омане). Оружия было много, я бы не сказал, что это была свалка. Во время переворота... Там в горе было огромное хранилище оружия (ещё во времена английских колонизаторов), в котором даже планировалось хранить атомное оружие. Вооружения было много. Всё было закрыто. Когда начался переворот, они начали долбать ворота в это хранилище. Когда они, при помощи танков, их раздолбали, в хранилище начали взрываться ракеты. Там были ракеты к БМкам (БМ-21), торпеды, разные ракеты. Когда взрывы кончились, от горы там ничего не осталось, она просто исчезла.

И сейчас Йемен на грани раскола. Южане не собираются делиться.

– Вы думаете, они как-то всё-таки поладят друг с другом?

– Дело в том, что исторически северным Йеменом владела Турция, южным – Британия. Соответственно культура – на юге сунниты, на севере – шииты.

– Так вот ещё почему там «заварушка» с Саудовской Аравией...

– Шиитов они не любят.

– А по разным оценкам от 90% до 98% нефти и газа в Саудовской Аравии добываются на землях шиитов (на востоке страны, где 90% населения – шииты). Если шииты отделились, то доходы от нефти у саудовцев будут менее 10% от нынешних...

– Дело в том, что династия Саудов считается династией узурпаторов.

– Ну да, с помощью англичан пришли к власти, назвали страну Саудовской Аравией, поэтому их многие сейчас ненавидят не только из шиитов, но и из суннитов.

– Да. Они считаются узурпаторами, незаконно получившими власть. Кстати, очень многие считают, что Саудовская Аравия живёт за счет нефти, а на самом деле гораздо больше денег Саудовская Аравия получает от паломничества в Мекку и Медину. На этот факт почему-то никто не обращает внимания.

Каждый паломник оставляет порядка 10 тысяч долларов: гостиница, коврик, посещение Каабы и т.д., не считая билета на самолёт. Многие не обращают внимания, сколько паломников посещают – миллионы. А саудовцы когда пришли к власти, они отобрали власть у шерифа Мекки, потомка пророка Мухаммеда изгнали из Мекки.

Англичане его сыновьям предоставили трон в Иордании, другому в Ираке. Иракского короля свергли, а иорданский король (Абдалла) имеет право вернуть себе власть – раз, к тому же племена, которые проживают на севере Саудовской Аравии считают его своим королём.

– А дальше где вы служили?

– Дальше был неожиданный поворот в моей жизни – я поехал на три года в Италию. Переводчиком. Это был 1987 – 1990 г. В 1990 г. я вернулся, в 1992 г. вышел на пенсию. Можно было служить ещё несколько лет до пятидесяти. Но уже служить было не интересно.

Уваров Александр Анатольевич¹⁰, полковник запаса

Сам я из города Орла. Поступил на военную службу в 1975 г., после школы, в институт, который стал позднее называться Военным Краснознаменным институтом Министерства обороны. Поступил на Третий факультет и изучал китайский и английский.

У нас была обычная программа. Но, предваряя дальнейшие вопросы, просто поясню, что в 1979 г. сложилась ситуация, когда и курсантов нашего факультета задействовали для командирования, в частности, в Эфиопию. Практически весь наш курс, набранный в 1975 г., в составе двух языковых групп.

Первая группа языковая (с английским первым языком) убыла в Эфиопию в 1978 году. А нас отправили чуть позднее, в начале 1979 года. Если быть более точным, то 13 января 1979 г. мы прибыли в аэропорт столицы Эфиопии – Аддис-Абебу.

Я тогда учился на четвёртом курсе. Официально – насколько я знаю из документов – нас посылали на один год. А реально получилось, что мы все, курсанты из двух языковых групп, вернулись с разницей буквально в одну-две недели по истечении семи с половиной – восьми месяцев.

Лично я был 1 сентября 1979 г. на территории тогда ещё Советского Союза, если говорить конкретно, то в аэропорту Ташкента.

Летели мы в Эфиопию обычным рейсом «Аэрофлота» на Ту-134, с посадкой в городе Одессе и в городе Кудри.

¹⁰ Запись произведена в апреле 2005 г. в Институте Африки РАН к.и.н. полковником Токаревым А.А и к.и.н. Шубиным Г.В

– Почему посылали в Эфиопию специалистов, владеющих английским языком?

– В тот момент сложилась достаточно острая ситуация с нехваткой квалифицированных военных переводчиков. Хотя в Эфиопии была большая группа наших военных советников и специалистов, среди них не было достаточного количества квалифицированных, дипломированных переводчиков и было принято решение о командировании туда курсантов Военного института.

В числе оных оказался и я.

В это время в Эфиопии находилась группа курсантов третьего курса восточного факультета, владеющая амхарским языком. Этой группы было недостаточно, чтобы удовлетворить потребности в переводческой работе. Английский же язык был для многих – по крайней мере, офицеров эфиопской армии в то время – фактически, вторым рабочим языком.

Насколько я знаю из общения с офицерами эфиопской армии, все выпускники средних школ в Эфиопии неплохо владели английским.

А многие офицеры, которые ещё остались от старой императорской армии, прошли обучение или в Соединённых Штатах Америки (в высших военных заведениях), или в Великобритании. Но больше всего – в американских.

– Как Менгисту (Мэнгисту) Хайле Мариам, который учился год в военной академии в США?

– Насчёт Менгисту Хайле Мариама не могу сказать, потому что не был с ним лично знаком...

– Расскажите о войне с Сомали в 1977-1978 гг?

– Первый мой командир – подполковник Павел Степанович Матвеев – как раз во время войны принимал самое непосредственное участие в боевых действиях и был награжден как минимум двумя боевыми орденами – Красного Знамени и Красной Звезды, которые тогда получить было не так легко и просто в наших советских вооружённых силах.

И второй мой командир – подполковник Мелешкевич Борис Александрович – также был награждён двумя, если не тремя орденами за эти события.

Эти люди, в самом деле, боевые, прошедшие все основные этапы по освобождению восточной Эфиопии, в частности, провинции Агаден.

Они не любили особенно рассказывать о своих боевых подвигах, но порой вспоминали интересные эпизоды. И об одном из них рассказал Борис Александрович Мелешкевич. Это было под Деридау...

Тогда сомалийские войска фактически уже отбросили фронт Деридау. Там сложилась критическая ситуация и эфиопские войска пытались идти в контрнаступление (они достаточно долго его готовили при нашем непосредственном участии и нашей помощи). И когда реально пошли в наступление на сомалийские войска, захватившие часть территории Эфиопии, это наступление захлебнулось.

И вот в момент, когда эфиопские войска побежали назад, в район расположения 10-й пехотной дивизии на вертолёт приехал генерал Петров, которого наши американские «друзья» прозвали «Петров Эфиопский» за его суровый нрав. Генерал, выйдя из вертолётa, перебежками добрался до командного пункта 10-й пехотной дивизии, находящийся на высоком холме, и с его высоты увидел, как внизу эфиопские войска в панике отступают, причём отступают беспорядочно, бросая оружие.

Так же это увидела группа наших военных советников и военных специалистов. И генерал Петров решительно сказал им, что место наших военных советников и военных специалистов отнюдь не на командном пункте, а именно на поле боя.

И группа наших военных советников отправилась в боевые порядки и не только своей силой и властью и своим собственным примером, но и с помощью в первую очередь командования дивизии сумели остановить это бегство с поля боя и изменить ситуацию в благоприятную для эфиопов сторону.

Вернусь к моей командировке. После того как приехали командир подполковник Матвеев Павел Степанович и советник комиссара дивизии полковник Яшкунов Виктор Владимирович мы отправились на место моей службы – в город Джиджига, где был штаб 10-й пехотной дивизии.

Этот город находился в 105-110 километрах от столицы провинции Огаден – города Харэр (в восточном направлении, через горный перевал Карамарам). По дороге я с неподдельным интересом наблюдал за многочисленными остатками боевой техники и автомобилей, я даже пытался сосчитать их. Но техники было порядка 30-40 единиц и после 20 километров я понял, что считать это бесполезно.

– Остатки какой техники?

– В основном это была, честно говоря, наша техника с опознавательными знаками сомалийской армии.

Это были танки Т-54 и Т-55 (нарезная пушка калибра 100 мм), хотя встречались и американские танки М47 (нарезная пушка калибра 90 мм) – достаточно устаревшие образцы даже к тому времени. Встречалась также наша старая техника – типа грузовиков ЗИЛ-157.

Считалось, что эта дорога из столицы провинции до Джиджиги, официально контролируется правительственными войсками на тот период (повторюсь, это был 1979 год).

Через каждые несколько километров стояли небольшие регулярные подразделения эфиопской армии. Как сейчас, по опыту Чечни, блокпосты. Хотя там, в Эфиопии, не было никаких бетонных сооружений. Просто в окопчиках сидели наши эфиопские друзья. Вооружены они были в основном старыми автоматами Калашникова АК-47 (АК), причём, советского производства.

Что же касается сомалийцев, то у них было очень много автоматов Калашникова АК-47 китайского производства (Тип 56), с деревянным и пластмассовым прикладом, с тремя ручками, в том числе одна пластмассовая впереди, но, в основном, без штыка.

Их использовали сомалийцы и шепта (так тогда называли бандформирования по официальной версии).

Они боролись за независимость восточного Огадена, как они говорили сами о себе.

Итак, мы ехали по дороге, которая проходила, как я уже сказал, в том числе и через горный перевал. Горы – это понятие там, быть может, относительное, так как практически вся территория Эфиопии – свыше 1500 метров над уровнем моря, а там было, возможно, до 2000 метров. В принципе, это почти не ощущалось, но если попробовать бежать, предположим, даже на 100 метров, то дыхания не хватало.

Прибыли в город Джиджигу. И поселились в старом полуразрушенном местном отеле. Два слова о том, что такое Джиджига. Это уездный центр и его население, по официальным источникам, было тысяч десять, а на самом деле, думаю, что и во всём уезде не было такого количества населения.

Проживало, всего предположительно, тысяч пять человек. Фактически – большая деревня. Двухэтажных зданий было буквально до десятка. Все прочие здания – одноэтажные.

Так вот именно у северного въезда в эту деревню располагался бывший отель, который при освобождении этой части страны, в том числе и Джиджиги, подвергся артобстрелу, и половина комнат была фактически снесена.

Это было каменное здание, обнесённое забором.

Вообще все здания в этой деревне построены по восточному типу (то, что мы называем «дувал»): с одной стороны это был, как в нашем случае, металлический забор и кустарник, а с трёх сторон – это фактически была каменная стена. Все окна номерах этого отеля были забраны деревянной решёткой и проникнуть в любой дом практически невозможно, не взломав окно каким-либо образом.

А со стороны дороги, где был металлический заборчик – ажурная решёточка, там стояла у нас охрана – несколько человек, охранявших группу наших военных советников. Тогда там было три человека. Командир Пананкин, замполит и замести-

тель дивизии по вооружению – полковник Безик Василий Михайлович.

Я приехал четвёртым военнотружущим. И две жены советских военных советников. Женщины, насколько я мог понять из разговоров в Генштабе с сектором, были там как бы полулегально, с разрешения советника командующего фронтом Питко. Хотя у нас считался район достаточно спокойным, всё же не рекомендовалось там иметь жен. Тем не менее, они там находились. И больше того, у командира там была дочка – ей было тогда пять или шесть лет.

Вот такой был состав нашей небольшой команды.

А персональные обязанности на тот период были достаточно просты: каждый из офицеров работал в первую очередь со своим подсоветным.

То есть командир работал с командиром дивизии, с командирами подразделений. Советник комиссара соответственно с комиссаром. Зампотех, соответственно, со своими коллегами в первую очередь.

И надо сказать, что больше всего, пожалуй, работы было у зампотеха.

– Почему?

– Потому что фактически ежемесячно через нашу Джиджигу проходил конвой дальше на восток. И хотя Джиджига располагалась в 60 километрах от Сомали, то ещё восточнее – поскольку так называемый выступ эфиопской территории треугольником входил в территорию Сомали, дальше нас находились там 11-я и 12-я пехотные дивизии.

Там ситуация была, на мой взгляд, гораздо хуже, в том числе и жизненные условия, потому что у нас ещё кустарники росли, а там уже ничего не росло, это была фактически полупустыня.

Также это место было удалено от основных мест базирования бандформирования – сомалийские наши «друзья» никому не давали спокойно жить.

– Из чего состояла колонна?

– Ежемесячно через Джиджигу проходила колонна боевой техники. Точнее, в основном это была автомобильная техника. Везли грузы. И не только боеприпасы, но и продовольствие, снаряжение и другое имущество для обеспечения этих двух пехотных дивизий и также для всех тех местных эфиопских жителей, которые проживали восточнее нас.

Но поскольку местные бандформирования постоянно минировали эту дорогу (она фактически единственная – и была, естественно, не асфальтированная, а гравийная дорога) и постоянно совершали нападения на неё, колонны эти были достаточно большие – до 300, а иногда и до 400 грузовиков.

– Из каких машин состояла эта колонна?

– Это были в основном разнотипные машины западного производства – большие грузовики. Но для обеспечения проводки этой колонны использовались, как правило, подразделения нашей 10-й дивизии. Выделялась, как минимум, танковая рота – от четырёх до семи танков Т-55.

И минимум один-два танка подрывался на mine, хотя у них были противоминные тралы. Трал был обычно рассчитан на один-два подрыва, а потом на следующей mine подрывался сам танк.

И, как правило, посылала ли четыре танка, потому что если один-два танка подрывались, два других тянули их обратно домой.

Траки меняли на месте, что могли – делали, но не всегда это получалось в полевых условиях и поэтому работа у наших вооруженцев всегда была. То есть постоянно шёл ремонт. Рембат постоянно был, что называется, при деле.

– Что ещё из нашей техники использовалось?

– Что касается непосредственно нашей 10-й дивизии, то она состояла из трёх пехотных бригад, танкового батальона, артиллерийского дивизиона.

На вооружении танкового батальона, как я сказал, было 22 танка Т-55 (пушка калибра 100 мм), если мне не изменяет память.

Что же касается артиллерийского дивизиона, это были американские самоходные (гусеничные) гаубицы М-109 (орудие калибра 155 мм) и американские гусеничные БТРы М-113.

Далее – разведывательная рота, достаточно большая развёрнутая рота.

Рембат был и автобат – фактически это была рота, имеющая на вооружении только грузовики.

Были ещё у нас «шилочники» – зенитно-артиллерийский дивизион, на вооружении которого стояли наши гусеничные четырёхствольные зенитно-самоходные установки Шилка (калибра 23 мм).

Вот это, кстати, одно из подразделений, которое считалось элитным. Мне запомнилось, что в отличие от танкистов или самоходчиков, в «Шилки» никого не допускали даже в ботинках, потому что у них не было сапог и в качестве обмундирования выдавались ботинки. И заходили в «Шилки» только в носках. Внутри этих «Шилок» поддерживалась идеальная чистота: так было установлено нашими ребятами – «шилочниками», которые были там ещё до моего приезда и которые воспитали и, надо сказать, неплохо очень воспитали всех, начиная от командования и кончая личным составом этого дивизиона. Все относились буквально с благоговением к «Шилкам». Потому что у этих боевых машин была двойная функция – они работали отлично не только по воздушным целям, но и по наземным. Эфиопам это очень и очень нравилось.

Медицинские тыловые подразделения.

Основная масса личного состава фактически находилась вне Джиджиги, она была, что называется, на передовых рубежах, то есть выдвинута несколькими гарнизонами ближе к границе с Сомали.

А реально (хотя считалось, что там находится целая дивизия), фактически оставался танковый батальон, артиллерий-

ский дивизион и часть, я подчёркиваю, часть 75-й пехотной бригады.

Нам (в частности,Безику) приходилось общаться с танковым батальоном, с ремонтниками. И с разведчиками в определённой степени приходилось общаться, потому что они проводили какие-то разведмероприятия.

Что касается другой техники, то техническое оснащение дивизии было достаточно слабым, если не сказать, очень слабым.

В других боевых частях и соединениях, может быть, было гораздо лучше, но, увы, не у нас.

Надо сказать, что в Джиджиге дислоцировалась и целая танковая бригада кубинских вооружённых сил.

В ней было три танковых батальона. И у них уже были танки Т-62 (пушка калибра 115 мм). И один батальон на БМП-1 (гладкоствольная пушка калибра 73 мм).

У артиллерийской бригады кубинских вооружённых сил были в основном наши старые советские гаубицы типа М-30 и гораздо более новые Д-30 (обе – калибра 122 мм).

Также там были ещё два кубинских зенитноракетных дивизиона (ПВО). У них там были РЛСы (подобные РЛСы стояли и у наших эфиопских друзей) и был создан объединённый командный пункт. Но мы к этому делу отношения не имели, потому что у них там были свои советские специалисты, которые работали именно с эфиопскими ПВОшниками.

Это достаточно мощная была сила. Кубинцы сюда (в Джиджигу) пришли при освобождении города от захвативших его сомалийцев в 1978 г. и пошли дальше – фактически до границы с Сомали.

Потом они были возвращены и дислоцировались именно в городе Джиджиге. Насколько мне известно, это была по боевому составу самая мощная группировка на тот период. Потому что всего тогда в Эфиопии дислоцировалось четыре кубинских бригады¹¹.

¹¹ Кубинские части насчитывали в Эфиопии в 1978 г. 12 000 военнослужащих. (По материалам Интернета.)

Как я сказал, одна таковая кубинская бригада стояла здесь, у нас.

Одна мотострелковая бригада была под Аддис-Абебой. Но злые языки утверждали, что уважаемый лидер эфиопской революции Менгисту Хайле Мариам решил иметь рядом с собой самый надёжный и самый верный резерв. Там у них, если мне не изменяет память, на вооружении были БМП-1.

И, соответственно, была зенитно-ракетная бригада, разбросанная по стране. То есть один или два дивизиона стояли под Аддис-Абебой в Виблизете – это главная военно-воздушная база Эфиопии и, как я уже сказал, два зенитно-ракетных дивизиона стояли у нас в Джиджиге.

Это были С-75 и комплекс «Печора» (С-125). Не новые, но для тех мест вполне пригодные. С ними, между прочим, была интересная история. За период моего пребывания в Джиджиге они дважды делали пуски боевых ракет, причём не по учебным, а по боевым целям. Над территорией Агадена в этот период появлялись некие воздушные цели и – это утверждали не только кубинцы, но и эфиопы (они видели их на локаторах), – они шли с востока, с сопредельной стороны.

Но скорость полёта этих целей была непонятная – меньше, чем у нормального реактивного боевого самолёта, но больше, чем у вертолёта.

Эфиопы считали, что это были разведывательные самолёты или вертолёты. Но попаданий не было. Они безрезультатно дважды делали пуски. Появление этих целей они связали с тем, что в этот период у берегов Сомали находились американские авианосцы, возникло предположение, что оттуда могли запустить какие-то летательные объекты (типа беспилотных).

Эфиопы делали пуски ракет, но так и не могли найти обломков. И было непонятно, произошло поражение воздушных целей или нет. Непонятно, что это было.

Причём это не было стайей птиц или чем-то ещё. И не разведывательные воздушные шары – слишком у них для этого была большая скорость.

Это я помню из рассказов и кубинцев, и эфиопов. И наши специалисты, как уже говорилось, там работали. Один капитан и один прапорщик, фамилии которых, к сожалению, я не могу сейчас вспомнить. Они говорили, что там были воздушные цели, по которым нашими кубинскими друзьями были сделаны пуски ракеты дважды, с разницей в месяц-полтора, и ничего не могли понять.

И чтобы закончить разговор об оперативной обстановке, следует отметить, что в целом в нашем секторе ответственности обстановка была достаточно спокойная, по сравнению с теми, вполне активными боевыми действиями, которые велись (Эфиопией) на севере (война с Эритреей).

– Чем вы там занимались?

– Мои личные обязанности были очень простыми – помочь установить коммуникативный контакт, то есть попросту донести до местной подсоветной стороны мысли, которые имели наши уважаемые советники.

С утра шли к нашим подсоветным, сообщали реальную ситуацию: что конкретно произошло за сутки в зоне ответственности нашей 10-й дивизии. Затем начинались некие плановые занятия. Это в первую очередь касалось нашего зампотеха (заместителя по вооружению). Или велись какие-то разговоры с нашими командирами подразделений или с политработниками, если наш советник комиссара дивизии брал меня с собой для решения каких-то вопросов.

Начиналась просто обычная рутинная работа. Бывали, конечно, какие-то моменты, когда эта рутинная работа прерывалась некими событиями, то есть, к примеру, поездками на границу с Сомали с целью проверки гарнизонов, дислоцированных непосредственно на границе.

Но это было скорее исключение из правил.

Однажды приехал легендарный кубинский бригадный генерал Очоа. Я его видел первый и единственный раз в 1979 г. Его фамилия в тот момент мне ничего не говорила, но об уважении к нему мы могли судить по тому придыханию и восхи-

щению, которое наблюдалось у кубинцев, когда нас пригласили к ним в штаб танковой бригады (полковник Перес тогда ею командовал).

Генерал Очоа прибыл туда с инспекцией, и в этот момент поступила информация, что со стороны Сомали некие незаконные вооружённые формирования проникли на территорию Эфиопии.

Эта информация прошла через разведотделение штаба нашей дивизии и дошла, естественно, до кубинцев – у нас был с ними достаточно налаженный контакт, и генерал Очоа решил провести рекогносцировку местности и посмотреть в реальности, что там происходит. Он пригласил и нас вместе с собой.

– На какой технике это всё происходило?

– Мы ехали на машине на тот момент исполняющего обязанности командира 10-й пехотной дивизии подполковника Игзао. А генерал Очоа – вместе с кубинцами – я не берусь сейчас точно сказать в какой машине.

Дело в том, что кубинцами была сформирована целая колонна. В основном это была кубинская техника. Две-три бэмпешки (БМП-1), два-три БТРа (БТР-60ПБ), в том числе радиийная 142 и наш «Лэндкрауайзер», где находился исполняющий обязанности советника командира эфиопской дивизии, Павел Степанович Матвеев, я и несколько солдат из разведподразделения дивизии. Так мы отправились в этот район.

Это был неординарный случай, а в основном проходила плановая боевая подготовка тех подразделений, которые находились непосредственно в нашем гарнизоне.

Во многом это объясняется тем, что на тот период – период моего пребывания в стране, – действовал (не знаю письменный или устный) приказ главного военного советника генерала Чаплыгина – не ввязываться ни в какие боевые действия нашим военным советникам и специалистам.

Им категорически запрещалось принимать непосредственно участие в каких бы то ни было боевых действиях. Только лишь руководить из тыла.

Это объяснялось тем, что накануне, в июне 1978 г., уже после окончания боевых действий с Сомали, в Харэре из состава группы наших военных советников при штабе командования сектором (или фронтом) были захвачены бандформированиями шестеро наших советских военнослужащих. Трое из них были офицерами, трое – рядовыми (один из них, кажется, был сержантом).

– Что с ними было потом?

– К сожалению, я ничего подробно рассказать не могу. Это произошло до моего приезда, и я могу судить об этой истории только по рассказам некоторых моих коллег.

В общем-то, это было банальное, но, к сожалению, очень распространённое явление: нарушение приказа.

Военнослужащие решили съездить на охоту. Отправились буквально рядом с Харэре, в ближайший горный массив.

Там был лес, весьма специфический, в отличие от нашего. Деревья, как правило, там не имеют кроны до высоты одного-полутора метров, потом начинается достаточно густая крона. Когда идёшь, то ничего не видно, но если ляжешь, то перспектива просматривается на большое расстояние.

Я, конечно, не был там, но, со слов одного нашего коллеги, он потом вместе с моим командиром (они были в группе поиска) шёл буквально по следам той группы (через три-четыре часа) бандформирования, которая захватила наших в плен, но так и не смогла их найти и отбить. И их увели в Сомали.

Было всё просто (что стало известно уже из рассказов тех, кто принимал участие в их захвате). Они (наши) стреляли горных козлов – пытались заготовить мясо на шашлыки. К ним подошла группа вооружённых лиц без знаков различия, в камуфляже, с автоматами Калашникова в руках.

Наши пытались взять оружие на изготовку, но один из группы обратился к ним по-русски: «Ребята, что вы тут делаете?» И они расслабились. А это был один из тех сомалийцев, которые учились у нас в Советском Союзе.

Но, кстати говоря, благодаря ему их не расстреляли после захвата на месте. Он сказал, что мол, надо их вести дальше, в Сомали. Больше того, они сели в «УАЗик» (УАЗ-469) наших советников и на нём (с ними сидело несколько человек из этой вооружённой группы) отправились вне дорог по пересечённой местности известным только им маршрутом. Но буквально через несколько километров закончился бензин. Наш водитель знал, что там есть рычажок переключения передач на второй бензобак, но смолчал, и они дальше пошли пешком в надежде, что их хватятся и что за ними пойдёт погоня.

Один солдат был в стороне. Между преследовавшими и преследуемым возникла перестрелка. Так как он взял с собой один лишь магазин с патронами, то, расстреляв его буквально в течение нескольких секунд, оказался без патронов, уже не вооружён, и его сумели легко взять эти ребята, и он через какое-то время был присоединён к этой группе уже захваченных в плен.

И они, все шесть человек, несмотря на все принимаемые меры со стороны нашего руководства – в это время была такая шутка «иду по следу бей Ловчак» – это был заместитель главного военного советника, который выехал на это место.

В этот период, ещё раз отмечу, что это был 1978 г., июнь месяц, наши кубинские друзья, то есть те две бригады, о которых я говорил, были подняты по тревоге. Они оседлали всю дорогу между Джиджигой и Харэром – все 110 километров, но найти наших ребят не удалось.

А мой командир, полковник Павел Степанович Матвеев и наш парень-курсант Мирозоев как раз шли за ними буквально по пятам, но так и не смогли их, к сожалению, найти.

А потом случилось так, что в бытность мою переводчиком в 10-й пехотной дивизии в 1979 г. я столкнулся с перебежчиком из Сомали. Он был сомалиец, старший лейтенант ВВС.

Это отдельная история, как мы с ним столкнулись.

Но смысл в том, что когда мы с ним сели за чай, то он стал рассказывать о своей жизни и между делом рассказал, что он сидел в военной тюрьме в Хардесе.

Хардесе – это уездный центр, почти напротив нас, километрах в 100 от Джиджи. Там стояла сомалийская группировка и там же находился ее штаб.

И именно в Хардесе, как утверждал этот перебежчик, и находились все шесть наших ребят и там же находились, как он говорил, пять или шесть кубинских военнопленных, которые были захвачены во время войны за Огаден в 1978 году.

Я не могу оценивать достоверность этого рассказа, но, по крайней мере, он такую информацию выдал.

С моей точки зрения, особого смысла держать пленных рядом с границей, наверное, не было. Но он сказал, что видел их через год после их захвата ещё живыми, хотя они были в сложном положении, так как содержались в плохих условиях. Тюрма там типа зиндана (восточный вариант) – яма, сверху крышка. Бросали им туда сверху какую-то еду, но в сверхминимальном количестве и так далее, увы...

Дальнейшая судьба этих ребят мне, к сожалению, неизвестна.

Но именно из-за того, что произошло такое печальное событие, наше руководство всячески пыталось не повторить этого негативного опыта и оградить наших военных советников и специалистов от непосредственного участия в боевых действиях (хотя, конечно, в каких-то ситуациях дело не обходилось без этого).

Особенно это касалось северного фронта, северного командования. Но и на западном фронте, в районе озера Тамен, произошли печальные события, когда одну из эфиопских бригад, в том числе вместе с нашими подсоветными, очень здорово потрепали местные сепаратисты и было там очень непросто. наших советников и специалистов эвакуировали вертолётами. Но это я знаю больше из рассказов и не хочу перевирать.

У нас в тот период положение было достаточно спокойное, если только это можно так назвать: постоянное минирование, непрекращающиеся обстрелы конвоев, ночные обстрелы пунктов дислокации, – всё это имело место быть, но вот каких бы

то ни было крупных мероприятий со стороны шепты не проводилось.

Ситуация изменилась буквально на следующий, 1980-й год. Я это знаю от наших ребят, которые были там же, в этом районе. И когда они стали рассказывать, что там происходило, в тех военных районах, которые в нашу бытность считались совершенно спокойными, в том числе и на дороге, которая вела в столицу провинции – город Харэр, это вызвало у меня удивление, потому что при нас это были спокойные районы.

– Почему там началась заварушка?

– Вы понимаете, насколько я могу судить, исходя из разговоров, которые мы вели с местным населением, – главная проблема заключалась в том, что территория провинции Огаден была исторически спорной между Сомали и Эфиопией. Судя по национальному составу и по религиозным убеждениям, это были, в общем-то, не амхары, считавшиеся коренной нацией в Эфиопии, и являвшиеся, как вы знаете, ортодоксальными христианами (коптская церковь и т.д.).

У нас в Джджиге был наглядный пример: если ехать из столицы – правая половина города считалась христианской, а левая была мусульманской (там мечети и всё как положено).

В Эфиопии различные народности и много родоплеменных особенностей и отношения между ними мне, тогда молодому курсанту-переводчику, тем более не владеющему амхарским языком, было очень трудно понять. А из тех бесед, которые я пытался вести с местными офицерами, в той или иной степени владевшими английским языком, было очевидно, что всё просто.

Местное население жило в ужасающей бедности.

Это была не просто беднота в нашем российском представлении, а это было то, о чём мы раньше читали в книгах.

Когда я первый раз увидел вне деревни населённые пункты – настоящие хижины, где и люди и скот (козы, куры) живут вместе, я был потрясён. Эти хижины – деревянные шесты, обложенные какими-то шкурами животных.

Это не экзотика! Это вопиющая нищета! Слов нет.

И это конец XX века!

И речи не было ни о каких телевизорах, магнитофонах и ещё чем-то подобном. Это был фактически родоплеменной строй. Женщины ходили в мешковине, переброшенной через плечо.

Обуви фактически никто не носил. Для нас это был шок, когда мы увидели, как люди ходили по каменистой почве без всякой обуви. У них были совершенно задубевшие подошвы ног.

Мужчины в юбках. Сомалийцы – и мужчины и женщины – высокие. Им, как и любому нормальному человеку, было важно иметь какой-то кров, хлеб насущный, одежду. Им какие-то там идеи коммунизма, капитализма были чужды.

А в это время со стороны официального руководства проводился эксперимент (наверное, несколько насильственный и носивший искусственный характер) по привитию идеалов социализма или коммунистических идей.

И местным населением это воспринималось, очевидно, не самым лучшим образом. Ко всему прочему, религиозное родство с сомалийцами поддерживалось не просто морально, но, надо полагать, и материально.

Была надёжная информация, что деятельность всех этих бандформирований или фронта освобождения западного Сомали велась по следующей схеме.

На территорию Эфиопии засылалась группа военнослужащих регулярной сомалийской армии, которая составляла костяк какого-либо отряда.

Костяк этот был очень небольшой – буквально 10–20 человек хорошо подготовленных людей, которые знали местные языки и наречия. И именно эти люди находили приют в каких-либо поселениях.

Им удавалось, как правило, без особых проблем создавать вооружённые отряды. Оружие караванами забрасывалось как с территории Сомали, так и находили остатки оружия на территории Эфиопии.

Но именно со стороны Сомали это были в основном «Калашниковы» китайского или румынского производства.

И было самое различное оружие. Для меня это было, конечно, удивительно – я таких винтовок и ружей не видел. Это были, может, даже до Первой мировой и периода Первой мировой войны ружья. Было всё, что угодно.

То оружие, что я видел изъятым в местной службе безопасности, было в основном¹² итальянское¹³, поскольку итальянское присутствие было ещё с 1930-х годов. И оружие сохранилось ещё с тех времён. Но это же кочевники – люди, для которых оружие было, как для нас с вами авторучка. Были, конечно, автоматы Калашникова в большом количестве, частично и советского производства, но больше, естественно, китайского и румынского.

Были там и гранатомёты, правда, меньше, чем прочего оружия, и пулемёты. Гранатомёты очень древние, даже по тем временам, РПГ-2 (как советские, так и их китайский вариант Тип 56).

Пулемёты были в основном Калашникова – РПК.

¹² В Эфиопию поставлялись австро-венгерская винтовка Манлихер образца 1895 г. (Mannlicher M1895) (под патрон 8x50 мм, 8x56 мм или 7,92x57 мм), винтовка и карабин Мосина (патрон 7,62x54 мм). В Сомали и Эфиопию из Джибути попадала французская самозарядная винтовка (MAS-49/56) (патрон 7,5x54 мм) (По материалам Интернета)

¹³ Вероятнее всего, имелись в виду итальянские винтовки или карабины Mannlicher-Carcano (Манлихер-Каркано) (под патрон 6,5 x 50 мм, под патрон 6,5x56 мм и под патрон 7,35 x 51 мм). Возможно, что имелись в виду итальянская винтовка или карабин Веттерли-Витали образца 1870/87 (патрон калибра 10,4x47 мм) или её однозарядный вариант образца 1870 г. Менее вероятно, что речь идёт об однозарядной английской винтовке Снайдер-Энфилд (Snider-Enfield) калибра 14, 66 (14,7) мм или об однозарядной английской винтовке Мартини-Генри (Martini-Henry) под патрон 11,43x60 мм или о магазинной британской винтовке Ли-Энфилд (Lee-Enfield) или Ли-Метфорд (Lee-Metford) (патрон 7,71x56 мм) (0,303 дюйма) (По материалам Интернета)

Тяжёлых пулемётов я не видел¹⁴. И не думаю, что сомалийцы были вооружены тяжёлым оружием, потому что для них главной была мобильность.

И тактика их действий была очень проста. Эти лица, которые пришли с территории Сомали, сформировали свои отряды вооружённой оппозиции (или как угодно их можно назвать – бандформирования, как мы говорили тогда) и какую-то подготовку они с ними проводили.

Но их главное оружие (конкретно в нашем секторе) – это мины. Нашего производства – противотанковые переносные мины ТМ-57. Лёгкие. Они не причиняли значительных повреждений танкам, а лишь разбивали траки и гусеницы.

Бандиты устанавливали их на дороге, пытались их замаскировать, и устраивали засады, особенно в горной местности. Обстреливали колонны и быстренько уходили.

После чего весь отряд расходился по местным деревням, основной костяк уходил куда-то в саванну или в горы, если это было в горах.

Таким образом, за счёт мобильности и подвижности они были фактически неуловимы. Их пытались находить местные правительственные войска, когда проводили то, что у нас называется «зачисткой» (начинали раздевать мужское население и смотреть – на правом плече, как правило, оставался след от ремня. Это было уже всё апробировано).

По поводу «коробочки» (ухода от переносных зенитных ракет), которую еще в Эфиопии, до Афганистана, отрабатывали на Ил-76 и Ан-12.

Вопрос в том, что в Асмэре, хотя я там не был, но из рассказов ребят знаю, что аэропорт расположен в долине, между

¹⁴ При Императоре в Эфиопию поставлялся французский пулемёт Гочкис образца 1914 г. (Hotchkiss Mle 1914) – (патрон 8x50 мм или 7,92x57 мм). В Эфиопию поставлялись из СССР с середины 1970-х годов не только лёгкие ручные пулемёты – РПК и РПД (патрон 7,62x39 мм), но и ручной пулемёт ДП-46 (патрон 7,62x54 мм) и тяжёлый пулемёт ДШК (патрон 12,7x108 мм) и его китайский вариант Туре 54. (По материалам Интернета)

горами и, естественно, с гор было очень удобно обстреливать самолёты, заходящие на посадку или взлетающие оттуда.

И в этих условиях, ещё до ввода наших войск в Афганистан, наши лётчики получили пусть вынужденную, но тренировку по совершению взлёта и посадки в условиях максимально приближенных к боевым, когда постоянно была угроза обстрела со стороны бандформирований.

Как правило, они стреляли с гор, но и как в районе Деригау, могли стрелять и с равнинной местности, а могли запустить ракету из переносного зенитного комплекса «Стрела-2М».

Поэтому были требования по защите этих аэродромов, должна была быть охрана на удалении нескольких километров. Но реально эта охрана не всегда чётко выполняла свои функции, так как большую часть вооружённых сил Эфиопии составляли так называемые милицейские подразделения – в общем-то зачастую насильственно мобилизованные в ряды вооружённых сил и мало обученные.

Они носили не оружие, а сборную солянку, в том числе и автоматы ППШ-41 (калибра 7,62 мм). Совсем молодёжь. Они не являли собой пример хорошей подготовки, хотя у нас там был учебный центр в Хатаке, где готовились регулярные части и посылались на фронт. И там работало очень много наших советников и переводчиков.

Но охрану таких – хотя и важных, но второстепенных объектов, давали именно милиции. И милиция не всегда проявляла себя с лучшей стороны. Вспомню ещё раз случай, когда был сбит наш Ан-12 в октябре 1978 года.

Самолёт при заходе на посадку оказался в зоне досягаемости бандформирований, подошедших достаточно близко к аэродрому и запустивших в самолёт ракету из ПЗРК «Стрела-2М». Ракета попала в один из двигателей и самолёт загорелся, сдетонировало горючее, раздался ещё взрыв и, как я говорил, хотя самолёт не вёз боеприпасов, а вёз продовольствие, тем не менее, самолёт рассыпался, взорвавшись в воздухе.

– Ваша последующая служба?

– По окончании командировки в Эфиопию мы вернулись домой. Мы летели спецрейсом на борту Ил-76 через Аден–Исламабад–Ташкент. В Ташкенте нас пересадили на другой борт, который летел из Афганистана.

Тогда мы впервые услышали более подробно о том, что там происходит ещё до ввода наших войск в 1979 году.

А потом я вернулся в институт. Закончил его в 1980 г. и после этого проходил службу в рядах вооружённых сил на различных должностях. Первые десять лет служил в Забайкальском военном округе. Затем в 1990 г. вернулся в Москву, а потом, в 1992 г. уволился в запас после заграничной командировки. На этот раз – в качестве военного наблюдателя ООН на границе Ирака и Кувейта (служил там незадолго до войны в Персидском заливе). Но это другая история.

Уволился в запас после 27 календарных лет службы (29 лет льготных).

И сейчас – мирный советский гражданин, впрочем, и раньше был не менее мирный.